

ОБОРОТ МЕНЯ

ЧАСТЬ

2

СЮЗИ

Роман Углев

12+

Роман Углев

Обороты меня. Часть 2. Сюзи

«Автор»

2019

Углев Р. Р.

Обороты меня. Часть 2. Сюзи / Р. Р. Углев — «Автор», 2019

Оборотень-супер-агент Канни после неудачного выполнения одного из заданий отправляется в отпуск, где встречается с прекраснейшей Сюзанной и влюбляется в нее. Однако, будучи агентом, он не принадлежит сам себе. Он ненавидит навязанную ему звериную природу, особенно, когда встречает Сюзанну. Теперь он мечтает об избавлении, и готов бороться за свою свободу даже ценой своей жизни. В борьбе за выживание он узнает о себе правду, и его жизнь радикально меняется...

© Углев Р. Р., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Роман Углев

Обороти меня. Часть 2. Сюзи

Глава 1

В ту ночь Петр уснул в номере гостиницы организации с каким-то тревожным предчувствием грозящей ему опасности. Весь вечер он пытался избавиться от навязчивой идеи, что ему нужно срочно вывезти свою семью из города, никому ничего не рассказывая, и перевезти их в другое место за двести километров на юг от городка Мураши, где они сейчас находились. Он старался отвлечься от этих мыслей, снова погружался в работу, говорил сам себе, что о их месте нахождения никто не знает и бояться нечего, однако ничего не помогало, как будто кто-то стоял у него над душой и шептал ему на ухо, что ему нужно срочно спасать семью.

Перед сном он все-таки посмотрел карту, чтобы хотя бы узнать, есть ли в том направлении какой-нибудь населенный пункт, и обнаружил, что там, посреди лесного массива находится один единственный военный городок под названием Холмский.

Пожав плечами на абсурдность самой идеи переезда в такую глушь, Петр лёг спать.

Усталость давала о себе знать, и он моментально уснул, но сон его был беспокойным. Ему постоянно снилось, что он несётся на машине через чёрную страшную лесную чащу, стараясь уехать от преследующего его огромного волка. Но тот все время выскакивал откуда-нибудь сбоку, и снова оказывался прямо перед лобовым стеклом. Петр чудом уворачивался, и снова давил на педаль газа, стараясь оторваться от навязчивого гиганта, но тот снова вскоре настигал его и выскакивал прямо перед машиной.

В конце концов, когда огромный зверь в очередной раз выпрыгнул из чащи и бросился на него со страшным ревом, раскрыв зубастую пасть, Петр резко свернул с дороги, чтобы избежать столкновения с волком, не справился с управлением, и машина полетела вниз с обрыва в чёрную бездну, издавая тревожный сигнал зуммера.

Проснулся он в холодном поту и обнаружил, что тревожный сигнал издаёт не машина из его сна, а его рабочий мобильный телефон.

По этому телефону ему могли звонить только два человека, Валера и Вениамин. У каждого из них был такой же телефон, предназначенный только для связи друг с другом. Во время разговора сигнал шифровался для того, чтобы их нельзя было прослушать.

Звонил ему Снегов.

Петр посмотрел на часы.

«Три часа ночи! Что-то серьезное!»

Он нажал на кнопку соединения.

– Да, Вениамин Палыч. Доброй ночи.

– Петр, слушай меня внимательно. Не отнесись к этому скептически, потому что, я думаю, что это более чем серьёзно. Тебе что-нибудь говорит слово «Холмский»?

– Холмский? Ты не шутишь, дядя Веня?

– В три часа ночи не до шуток, Петруха. Ты знаешь, что это за имя или название?

– Да. Это военный поселок в двух сотнях километрах отсюда.

– Короче, Петр. Срочно бери свою семью и переезжай туда, и не медли. Иначе беда.

– А что случилось-то, дядя Веня?

– Долго объяснять, Петруха. Понимай как хочешь, главное, послушайся. В общем, Бог мне во сне сказал, что Он тебе говорил, а ты Его не слушаешься. Короче тебе срочно нужно спасать себя и свою семью. Я так понимаю, что за тобой охотятся. Если ты снова не слушаешься, не факт, что спасёшься.

– Что, прямо ночью?

– Если бы не нужно было ночью, Он бы не стал меня пробуждать в такое время. Когда доберёшься до Холмского, найдёшь там коменданта по имени Василий Олегович Данилин. Покажешь ему удостоверение и скажешь, что тебе нужно устроиться с семьёй до лучших времён. Бог сказал, что ему можно и даже нужно все рассказать, он никому тебя не выдаст, и на него можно положиться. Он тебя поселит в нужном месте, и там ты и твоя семья будешь до времени в безопасности.

– Откуда вся эта информация, дядя Веня?

– Я же тебе уже сказал, Петр. Остальное потом, когда будет время, а сейчас некогда. Медлить нельзя. Действуй быстро.

Снегов отключился.

Петр понял, что все услышанное им более чем серьёзно, и тратить время нельзя. Его, конечно, очень удивил тот факт, что навязчивая идея, от которой он пытался избавиться вечером, оказалась посланием от Бога, и это означает, что он Его слышит. Однако подумать об этом более глубоко он решил после, когда будет в безопасности, собрался, насколько только мог быстро, сел в машину и отправился за своей семьёй.

Чуть больше чем через час он въехал в Мураши и ещё минут через десять подъехал к частному сектору, в котором снимал дом для своей семьи.

Нужно было отдать должное его жене, которая, несмотря на неудобства, связанные с переездом и вынужденным пребыванием на новом месте, безропотно исполнила все указания мужа, и во всем была послушна ему.

Будучи человеком очень общительным, она, тем не менее, не стала рассказывать никому из своих новых соседей, кто они и откуда приехали, придумав о своем прошлом более-менее правдивую легенду, так как Петр предупредил её, что даже случайно оброненная в какой-нибудь беседе правда может стоить ей, ему и их детям жизни.

Поворачивая на улицу, ведущую в глубь частного сектора, Петр заметил пассажирскую газель с зажженными фарами рядом с небольшим торговым павильоном, и водителя, который, открыв капот, подливал стекло-омывающую жидкость в бачок автомобиля.

«Остановись и подойди к нему», – вдруг прозвучала мысль у Петра в разуме.

«Что?!» – спросил он сам себя, но поскольку характер мысли был похож на ту навязчивую идею, от которой он пытался избавиться накануне вечером, он все же остановился, вышел из машины и подошёл к водителю газели.

– Доброе утро, уважаемый. Куда собираетесь ехать?

Здоровенный детина-водитель смерил Петра удивленным взглядом и с претензией в голосе ответил вопросом на вопрос:

– А вы с какой целью интересуетесь, уважаемый?

– С целью, что, может быть, поеду с вами.

– Правда? Хм, как интересно! Ну, что ж, коль не шутите, еду я в село Красненькое.

– Это если отсюда ехать прямо на юг, не так ли?

– Хм, как интересно! – снова развёл руками водитель. – Да, вы правы. Это прямо на юг отсюда.

– Верст двести будет?

– Хм, смотри, как интересно. Первый раз такое. Вы почти угадали, уважаемый. Только не двести, а двести тридцать пять.

Петр улыбнулся.

«Видимо, в этот раз я послушался Бога», – радостно подумал он.

– Так, вы возьмёте меня с собой?

– За определённую плату, чего ж не взять-то? Еду пустой. Только, зачем вам, если вы и сами на машине будете?

– У меня семья со мной поедет. Супруга, двое детей и вещи. Все в мою машину не влезет.
– А, тогда понятно. – Дитина немного подумал и с сомнением произнес: – Только, если вы долго собираться будете, я вас дожидаться не стану. Я не позже чем через час должен выехать.
– Думаю, мы успеем, – ответил Петр. – Сколько платить?
– Ну, раз вам по пути, то, рублей двенадцать за километр. Пойдет столько?
– Да, вполне.
– Куда подъехать?
Петр назвал адрес.
– А, понял. Этот совсем рядом. Так что, минут через двадцать буду. Можете ехать собираться, – улыбнулся дитина, и отвернулся.

* * *

Дни тянулись однообразно. После того, как они содрали краску со стен, несколькими чело-
векам, включая Андрея, Чарли, Спири и мулата Джонни, было поручено покрасить каюту крас-
кой. Им были выданы кисти, растворитель и респираторы. В конце первого дня, когда Андрей
стал отмывать руки от краски растворителем, Джонни объяснил ему, что этого делать не стоит,
если он не хочет повредить себе сухожилия на руках, объяснив Строгину, насколько это было
возможно с его знанием языка, что растворитель проникает сквозь поры кистей рук внутрь
и ослабляет человеческие сухожилия. Взамен растворителю мулат предложил парню пользо-
ваться растительным маслом и хозяйственным мылом.

После инцидента с коллективным нападением и последующим принудительным извине-
нием перед всеми, Чарли больше не смел прикоснуться к Андрею, и похоже, стал его реально
бояться. По утрам он больше никогда не говорил парню, чтобы тот вел себя тише, и никогда
не шёл впереди него умываться. Однако он всячески избегал разговоров с ним, а если Андрей
и задавал ему какие-то вопросы, всегда отвечал очень коротко или односложно, давая понять,
что не расположен на диалог.

Спири же напротив старался заговорить со Строгиным при каждом удобном случае,
постоянно носил ему еду, и всем своим видом показывал, что он очень уважает парня и хочет
с ним дружить.

Андрей старался вести себя дружелюбно по отношению к обоим своим соседям. Его
немного напрягало молчание Чарли, но как исправить ситуацию, он не знал и поэтому пред-
почитал не обращать внимания.

Ему очень хотелось узнать, где Лера и как у неё дела, но, когда он пытался об этом спро-
сить, его либо не понимали, либо не хотели понять, либо боялись что-либо делать по этому
поводу, и поэтому предпочитали делать вид, что они не в курсе. Это было вполне понятно,
поскольку они тоже были рабами, как и он, и поэтому были ограничены в своём передвижении
и информационной осведомленности.

На третий день после инцидента Андрей попытался заговорить об этом с мулатом во
время обеденного перерыва. Джонни был первым, кто внимательно выслушал его, стараясь
понять все, что говорит парень, и после этого спросил:

– What age is the girl?¹

Андрей не сразу понял вопрос, тогда мулат объяснил ему, красноречивыми жестами,
чисто по-мужски, описав в воздухе женскую фигуру и размер бюста.

Поняв, о чем говорит Джонни, парень сначала возмутился, подумав, что это слишком
откровенный и обидный вопрос, но все равно ответил честно, подумав, что у мулата может
быть совсем другой мотив для вопроса.

---

¹ Какого возраста девушка?

– A little, – он показал в воздухе рост девушки, а затем постарался показать своими ладонями, что у Леры ещё совсем маленький бюст и сказал: – small-small.

Мулат одобрительно кивнул, и сказал:

– This is good. While she is little, there is no danger that she will be taken to a captain or his officers for sex. More probably she is taken as a maiden for somebody. I may ask at the kitchen tonight. Maybe Dolly knows anything.²

Андрей еле дождался вечера. Он только и думал о том, чтобы спросить Джонни о том, получилось ли у него что-нибудь узнать у этой Долли.

Однако после работы им было приказано разойтись по каютам, а когда парень попробовал разузнать, где находится мулат, его предупредили, чтобы он даже и не пытался, популярно ему объяснив, что он новичок, и всякие передвижения по кораблю ему пока строго запрещены, за исключением маленькой территории рабочего отсека.

Андрей поплёлся в свою каюту, грустно понунив голову. Он понимал, что ему осталось ждать информацию не так долго, всего лишь до утра, но как же долго и томительно тянулось время! Как он узнал позже, Джонни был не рабом, а наемным слугой, поэтому он был старшим над всеми и следил за порядком.

Чтобы скоротать время после ужина, он попросил у Спири достать ему где-нибудь блокнот или тетрадь и ручку, что тот с радостью сделал, и уже на ужине вручил ему обычную тетрадь в клеточку и простенькую шариковую ручку.

После водных процедур, Андрей расположился у себя на кровати и стал на память записывать все новые и старые английские слова, которые узнал или вспомнил за последние несколько дней.

Слов оказалось много, но, когда он попробовал составить хотя бы небольшой рассказ о своей жизни, он сразу ощутил недостаток словарного запаса. Немного поразмыслив, он решил выписать все слова на русском, которые ему могут понадобиться в ближайшее время, и поэтому ему нужно узнать их перевод на английском.

«Хорошо бы словарь!» – с сожалением подумал он, и как ответ на его мысли, Спири вдруг повернул к нему голову и сказал, протягивая ему какую-то разноцветную книжку, похожую на детский учебник:

– Hey, man! You may need this. It helped me a lot at the beginning.³

Строгин протянул руку и взял у Спири книжку. Это оказалась потрепанная детская азбука на английском языке. Там не было ни слова по-русски, но напротив красочных иллюстраций, были написаны их названия. Сами иллюстрации были нарисованы так, что не оставляли места для сомнений в том, какое слово они обозначают. Андрей взял азбуку и искренне поблагодарил Спири. Книжка была как раз вовремя.

* * *

Канни вышел из туалета, потирая шею, и встретил обеспокоенный взгляд Сюзанны.

– Ты в порядке? – она внимательно заглядывала ему в лицо, пытаясь прочесть на нем, что случилось.

Он поднял на неё глаза и попытался выжать из себя улыбку, но у него это получилось очень жалко.

– Нужно торопиться. Пойдём одеваться скорее, – сказал он и решительно направился к тому месту, где они оставили свои вещи.

---

² Это хорошо. Пока она маленькая, нет опасности, что её возьмут к капитану или его офицерам для секса. Скорее всего её возьмут как служанку для кого-то. Сегодня вечером я спрошу на кухне. Может быть Долли знает что-нибудь.

³ Эй, парень! Тебе может понадобиться это. Она мне очень помогла вначале.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Я? – он пожал плечами. – Смотря с какой стороны посмотреть, но вроде, в порядке.

– Не хочешь меня расстраивать? – спросила Сюзи, хитро сощурившись.

Канни молча кивнул.

– Наверное, тебе не просто стало плохо, а ещё и состоялся какой-то неприятный разговор, да?

Он удивленно расширил на неё глаза.

– Дай, угадаю. Пока ты был в туалете, ты позвонил начальнику, и он тебя очень сильно расстроил.

– Я начинаю тебя бояться, Сюзи. Откуда ты все знаешь?

– Не бойся. Это просто догадки.

– Да, но очень точные догадки.

Однако он был рад, что после такого жесткого разговора с Алексом он может поговорить с Сюзи и найти поддержку в её лице. С каждым её словом ему становилось легче на душе, поскольку в ее голосе слышалось искреннее переживание и забота о нем.

– У тебя на лице все написано. А что, я все угадала? – с легким удивлением спросила она.

– Почти все.

– А что не угадала?

– Это не я ему звонил, а он мне.

– А-а... Ну, это мелочи. И что? Что-то изменилось?

– Не то, чтобы очень. Но мне на самом деле нужно срочно улетать.

– Я могу тебя довезти. Так будет быстрее. Ты согласен?

– Спрашиваешь.

– У тебя все вещи с собой?

– Да, только одна сумка.

– Тогда, поехали.

Они быстро оделись и побежали к автостоянке, на которой Сюзанна оставила свою машину.

Для женщины она была первоклассным водителем. Уверенно управляя своим Хёндаем, она неслась по автострате, а Канни, сидя рядом, с грустью думал о том, что через сорок пять минут они прибудут в аэропорт, и расстанутся, возможно, навсегда.

– О чем думаешь? – спросила она.

– О том, что мы скоро расстанемся.

– Зачем об этом думать? Это же грустно.

– А о чем ещё думать?

– О чем-нибудь радостном.

– Например?

– Тебе было радостно со мной?

– Не то слово. Если честно, мне никогда в жизни не было так радостно.

Она расплылась в улыбке.

– Ну, вот об этом и думай.

– Так, мы же расстаёмся? – не понял он, к чему она клонит.

– Да, но, если ты будешь об этом думать, твои воспоминания обо мне будут омрачены грустью расставания. А если ты будешь думать о том, как нам было радостно вдвоём, все твои воспоминания обо мне будут радостными.

– Я не совсем понимаю твою логику.

– Она женская, Костя. Её не понять мужчине.

– Ну, я хотя бы попробую.

– Смотри. Постараюсь объяснить ход своих мыслей. В жизни в любом случае происходит много грустного. Никому из нас не нравится грустить. Чем больше мы думаем о грустном, тем больше времени мы пребываем в этих нежелательных эмоциях. Хорошего в этом ничего нет. Нам это не нравится. Так зачем мы тогда тратим на грусть больше времени, чем она длится по факту? А радостные моменты нам нравятся, и часто нам радости в жизни не хватает. Так почему бы нам не продлить эту радость, больше вспоминая и размышляя о ней? А поскольку мы сами решаем, о чем нам думать, то насколько в нашей жизни много печали или радости зависит только от нашего решения. Вывод, когда мы проходим неизбежную житейскую грусть, мы можем как можно больше думать о чем-нибудь радостном и таким образом сделать грусть меньше. Поэтому, поскольку наше расставание все равно неизбежно, то по крайней мере мы можем сократить этот грустный момент, не думая о нем до последнего мгновения, и больше вспоминая весь тот позитив, который мы пережили друг с другом. У меня получилось объяснить свою логику?

– Гениально! – только и сумел произнести Канни, восхищаясь простотой столь глубокой мысли. – Ты сама это придумала?

– Ну, не то, чтобы совсем сама. Это была философия жизни моего отца. Он был очень жизнерадостным человеком.

– Ты сказала, «был»?

– Да, его уже нет в живых. Он умер три года назад в возрасте восьмидесяти шести лет в полном здравии и при ясном рассудке.

Она сказала это достаточно легко, в её голосе почти не было слышно печали утраты.

– Ты об этом так спокойно говоришь?

– О чего об этом печалиться? Когда я думаю о нем, я стараюсь больше думать о тех радостных моментах, которые мы переживали вместе. Он так учил, и он так заповедал нам относиться к его смерти. К тому же, он верил, что смерть, это всего лишь переход в мир иной. Здесь ушёл, там пришёл, вот и все. Он всегда мне говорил, что мы с ним ещё встретимся в вечности, а значит и печалиться о разлуке нет смысла.

– Такому отцу можно позавидовать.

– А у тебя, ...какой был отец?

Канни опустил голову:

– Я не помню своего отца. Мать помню, а отца нет.

– Мать тебя воспитывала одна?

– Н-нет, – чуть помедлив, ответил он, подбирая подходящую версию, более-менее соответствующую его воспоминаниям. – Я воспитывался в интернате.

– А, понятно.

Какое-то время они ехали молча.

Канни думал о том, что, как бы там ни сложилось его будущее, ему будет что вспомнить. И даже если у него ничего не получится с Сюзи, эти дни скорее всего останутся самыми лучшими из всего, что он переживал в своей жизни.

Он посмотрел на неё и залюбовался ею, подумав, что она красивее всех, кого он когда-либо видел. Она ему кого-то напоминала, но он никак не мог вспомнить, кого.

– А о чем ты сейчас думаешь? – спросила она.

– Честно?

– Конечно, честно. А как же ещё?

Почему-то он просто не мог, не хотел ей лгать, поэтому, несмотря на то, что кровь хлынула ему в лицо, он сказал, как есть:

– Думаю, что ты потрясающе красивая женщина. Думаю, что никогда в жизни я не встречал такой красоты. Думаю, что, даже если у нас с тобой ничего не получится, все равно это время, проведённое с тобой, самое лучшее в моей жизни.

Она посмотрела на него, как обычно, заглянув ему в самую душу и, ничего не ответив, отвернулась, чтобы смотреть на дорогу, но Канни увидел, как по её щеке течёт слеза.

Видимо, ей потребовалось время, чтобы справиться со своими чувствами. Он не мешал ей, а просто смотрел и смотрел на её правильный и смелый профиль, насыщая свой взор её красотой.

Сколько это длилось, было непонятно, потому что ощущение времени остановилось, но в какой-то момент Сюзи все же спросила:

– А ты на самом деле хотел бы, чтобы у нас с тобой получилось?

– Да, конечно! – ответил он настолько порывисто и эмоционально, что она ничуть не усомнилась в его искренности, и спросила:

– Тогда, что тебе мешает?

Он не смог ответить сразу, потому что не был готов к такому вопросу и задумался, а что на самом деле ему мешает? Прокручивая в голове все, что с ним произошло за последние несколько дней, он понял, что скорее всего ему мешает неясность его ситуации, понимание, что он на данный момент не свободен, и что за свою свободу ему нужно будет бороться, и он не знает, сможет ли он победить в этой борьбе. Но как ей все это рассказать? Он понимал, что, если он откроется ей, его тут же просто уберут. А могут убрать и её, как свидетеля. Если он попробует сейчас освободиться сам, его тоже, скорее всего, просто уберут, и он даже не знает, что может сделать с ним Алекс с помощью вживлённого в него микрочипа.

Он чувствовал, что она ждёт ответа, а он не может ей его дать так, чтобы не солгать и при этом не открыть то, что он не имеет права открывать, и от этого ему стало мучительно больно и дискомфортно.

– Хочешь, но не можешь ответить, да?

Он молчал.

– Тебя что-то мучает? Я же чувствую. Мучает?

– Да.

– А открыть мне пока не можешь, и из-за этого мучаешься, да?

Он молча кивнул.

– Тогда, – она тяжело вздохнула, – не мучайся. Не можешь говорить, не надо. Я не стану из тебя ничего выпытывать. Когда-нибудь расскажешь, если это будет нужно. А пока достаточно и того, что уже есть.

– Точно? – он не мог поверить своим ушам.

– Да, будь спокоен. И главное, – она снова посмотрела на него, и, хотя её глаза были слегка влажными от слез, они все равно светились радостью и почему-то благодарностью, – это никоим образом не отразится негативно на наших отношениях.

Это было как гора с плеч. Он вздохнул с облегчением и сказал:

– Спасибо.

– Тебе спасибо, Костя, – тут же ответила она. – Мне тоже ещё ни с кем не было так хорошо.

– Даже с ним?

– С кем?

– С твоим мужем?

Он тут же почувствовал, что зря задал этот вопрос, но Сюзи, чуть кашлянув, посмотрела на него и спокойно сказала:

– Возможно, если бы я его не потеряла, мне было бы с ним тоже так же хорошо. Но ... увы, – ей было трудно говорить, но она умело владела собой, – этого не произошло, ...поэтому я не знаю. А тебя я попрошу кое-о-чем, ладно?

– О чем?

– Мой отец говорил, что это не мудро, если у тебя с кем-то не сложилось по какой-либо причине, нести это в свои новые отношения. Поэтому давай мы постараемся между нами не вспоминать о том, с кем и как мы были в прошлом. Хорошо?

– Более чем согласен, – ответил он и подумал:

«Было бы ещё что вспоминать», – и в этот момент вспомнил Таиру.

Вдалеке показался большой синий знак с белой стрелкой, указывающей направление движения с надписью «Airport».⁴

* * *

Весь день Лера ждала ответа от брата.

Она понимала, что, скорее всего, он очень занят, и у него полно работы, и он не сможет, как она, написать ей письмо хотя бы даже на обеде. Скорее всего, если ей повезёт, на обеде он его только получит и, может быть, прочитает. А напишет ответ либо на ужине, либо вообще вечером после работы. Но несмотря на все эти логические рассуждения, она все-таки надеялась, что может быть им повезёт, и Андрей ответит в течение дня.

Каждый раз, когда кто-то по какой-либо причине заходил на камбуз, Лера смотрела во все глаза и слушала во все уши, надеясь, что может быть это и есть её ответ.

Наступил вечер. Работы было, как обычно, много, что было нормально, поскольку каждый день завтракало, обедало и ужинало одинаковое количество человек. Долли объяснила ей, что кроме этого камбуза на корабле есть ещё один поменьше, но он более высокого уровня и предназначен для того, чтобы кормить только командный состав. Она показала ей на второй ярус, в том направлении, где этот камбуз должен был находиться, сказав, что, если на первом и нулевом уровне в основном все трапезничают прямо на рабочем месте за исключением надзирателей, для которых есть столовая, то на верхнем уровне при камбузе есть ресторан для корабельной элиты. По вечерам, когда иллюминаторы ресторана были открыты, до Леры время от времени доносились звуки и голоса, свидетельствующие о том, что там идёт пир горой. Оттуда можно было услышать громкий смех, произносимые тосты, женские возгласы, звон бокалов и тому подобное.

В этот вечер во время ужина в ресторане было особенно шумно. Что касается нижнего камбуза, время ужина уже прошло, как в столовой, так и на рабочих местах, после чего осталась только гора невымытой посуды.

Так и не получив ответ от Андрея, Лера, как обычно, занималась мытьем, периодически вздыхая и думая о том, что её брату, видимо, очень нелегко, если он не сумел ей прислать ответ в течение дня.

Она не заметила, что мимо неё несколько раз прошёл Кевин, каждый раз заглядывая в раковину и оценивая, сколько там еще посуды. Обычно Лера успевала помыть примерно две трети, оставляя одну треть на утро, после чего она шла в маленькую душевую, где полоскала тряпки и умывалась. Если вместе с ней работала Элизабет, наутро посуды не оставалось, но Лера заметила, что, когда наверху идёт пиршество, Элизабет никогда не бывает рядом. Как объяснила Долли, мулатка, будучи красивой и лицом, и телом, подрабатывает танцовщицей в ресторане, после чего остаётся на ночь с кем-то из офицеров, и мечтает, что её окончательно переведут на верхний уровень, поскольку там и еда лучше, и общество солидней. Чен тоже время от времени призывалась наверх, но в отличие от Элизабет, ей это похоже не нравилось, и она с большей охотой помогала Долли с приготовлением еды. Долли сказала Лере, что, когда наверху гуляют, все без исключения красивые женщины на корабле, хотя бы они этого или нет, используются офицерами для удовлетворения их сексуальных желаний, просто одним женщи-

---

⁴ Аэропорт.

нам это нравится, а другим нет. Что касается её, Долли, то она и ещё несколько толстушек просто не считаются красивыми, поэтому их эта участь обходит стороной. А ей, Лере, когда она чуть подрастёт, поскольку она красивая, тоже предстоит смириться с этой неприятной, но неизбежной женской долей. На вопрос, можно ли этого как-нибудь избежать, или вообще убежать с корабля, Долли сказала, что такое вряд ли возможно, поскольку это крупное торговое Иракское судно, что у них все куплено, и поэтому им плевать на все проверки, международные законы и все такое, а убежать с корабля пока никому не удавалось. С непокорными здесь никто не церемонится, и в случае недовольства их просто избивают и скармливают акулам, чтобы неповадно было другим.

Размышляя над всем этим, Лера выключила кран с водой и, взяв тряпки, отправилась умываться. Дождавшись, когда Долли отвернётся в другую сторону, Кевин незаметно прошёл за Лерой, и в тот самый момент, когда она зашла в душевую, быстро заскочил внутрь и захлопнул дверь за собой. Обернувшись и увидев его, Лера пронзительно закричала, но дверь была уже плотно заперта, и поэтому её крик оказался слишком тихим и потонул в шуме моря и других подобных криках женщин, доносящихся из ресторана.

* * *

Когда Петр подъехал к своему дому, он обнаружил, что в окнах горит свет. Он вошёл во двор, так как у него был ключ от калитки, но дверь в дом оказалась запертой изнутри.

Он постучался:

– Кто там? – спросил через мгновение тревожный голос супруги.

– Вероника, это я.

Она поспешно открыла и, увидев незнакомого рыжего длинноволосого парня, отпрянула назад, закрыв рот ладонью.

– Боже мой, кто вы?

– Все нормально, это я, просто загримированный, – ответил рыжий голосом Петра.

– Господи, Петя! На кого ты похож?

– Самое главное, что я не похож на себя. Это необходимая мера предосторожности. А почему горит свет? – Он обвёл глазами комнату, – и... вещи собраны...

– Петя, если это какая-то глупость, я все уберу обратно, – умоляющим тоном стала оправдываться Вероника.

– Да, нет, далеко не глупость. Наоборот, очень хорошо, просто, я удивлен.

– То есть, их нужно было собрать?

– Конечно! Мы прямо сейчас уезжаем.

– Фу! Слава Богу! – облегченно вздохнула она.

– А что случилось? – не переставал допытываться Петр.

– Какой-то человек пришёл сегодня перед наступлением темноты и сказал, что он от тебя, что нам нужно собрать вещи и быть готовыми к твоему приезду. А когда я хотела его расспросить о тебе, он как-то незаметно ушёл, как след простыл. Мне это показалось очень странным, но я решила все-таки послушаться.

– Уму непостижимо! А где дети?

– Уснули. Но они спят в одежде. А я глаз не могла сомкнуть.

– Потрясающе! А как он выглядел?

– Кто?

– Ну, этот человек, который приходил?

– В смысле?! Ты не знаешь?

– Нет.

– То есть... получается, ты никого не присылал?

– Нет.

– Тогда... кто это был?

– Это я и пытаюсь выяснить, дорогая.

– Что-то я вообще ничего не понимаю. То есть, нам нужно было собраться, и мы все сделали правильно, но ты никого не присылал, а тот, кто приходил, неизвестно кто?

Петр захохотал.

– Чего смешного? – нахмурилась Вероника.

– Удивительно, да?

– Больше похоже на несуразицу.

– Полностью с тобой согласен, и именно поэтому и удивительно. Когда я тебе расскажу кое-какие другие детали, ты будешь удивляться ещё больше, а пока, давай загружать вещи в машину. Он как раз подъехал.

– Кто? Тот незнакомец?

– Да, нет же. Обычный водитель на своей газели. Он едет в то же место, куда и мы.

– А куда мы едем?

– В Холмский.

– Куда?

– В Холмский. Это военный городок двести километров отсюда.

– У тебя там есть знакомые?

– Похоже, что да. То есть, нет. В общем... а-а, – он махнул рукой. – Короче, там есть какой-то человек, которого знает Вениамин, или, может быть, не знает, а ему это было открыто...

– Не поняла.

– Да, не переживай ты. Это сейчас не важно. Потом поймём. Я сам не все понимаю, но сейчас не до этого. Давай закинем вещи в газель, а в последний момент перенесём в машину детей, – сказал Пётр, хватая две сумки. – Ты, кстати, не сказала, как он выглядел.

– Обычный человек. Светлый какой-то. Ну... как бы это выразить, – она подхватила пару собранных пакетов и пошла за ним, – как будто он всегда на позитиве, и ничем не бывает загружен.

– Хм, интересно. И чем дальше, тем интересней.

Они вышли как раз в тот момент, когда водитель открыл двери своей газели напротив ворот дома.

Петр тут же подбежал и отворил их.

– Вам нужно помочь закинуть вещи? – спросил водитель.

– Если не трудно, – ответила Вероника.

– Мне? Конечно не трудно.

Через пятнадцать минут газель была загружена, и Петр аккуратно взял спящих детей и положил одного на заднее сиденье своего жигули, а другого на заднее сиденье газели.

– Ну, все. Отправляемся в путь.

– Куда едем, уважаемый? – спросил водитель. – Это точно по пути?

– Едем в Холмский.

– А-а, знаю такой. Это не совсем по пути, а немного дальше, и круголя придётся дать, хотя, если вы платите, разницы нет. Кстати там въезд запрещён. Вы по назначению едете?

– По назначению, конечно, – улыбнулся Петр.

– Как поедет, вы за мной, или я за вами?

– Давайте, лучше, я за вами.

– Хорошо. Тогда вперёд.

Две машины тронулись в путь, когда над горизонтом забрезжил рассвет.

* * *

Письмо Андрею принесли во время обеда. Они сидели у стены на корточках с Джонни и ели свой обед из своих железных мисок, когда один из рабочих подошёл и что-то сказал мулату на своём наречии. Они немного поговорили, после чего рабочий, обратившись к Андрею, сказал с явным уважением и радостью:

– Hello, Sir. My name is Mark.⁵ – с этими словами он протянул ему руку, как для рукопожатия.

Когда Андрей пожал ему руку в ответ, он ощутил на ладони Марка свернутый лист бумаги.

Марк заговорщически подмигнул и, глядя парню прямо в глаза, чуть заметно мотнул головой, давая понять, чтобы тот незаметно спрятал записку, и почти шёпотом сказал:

– This is from your sister. Do not show it to anybody.⁶

У Андрея комок встал в горле. Аккуратно взяв листок, он подождал, когда Марк отвлечется на Джонни, чтобы его действия выглядели естественно со стороны и, не сказав никому ни слова, поднялся и отошёл в сторону.

Мулат проводил его понимающим взглядом, забрал его недоеденную миску с супом и отнёс на тележку разносчика еды, будучи уверен, что доедать парень не станет.

Ждать до ужина, чтобы оказаться в своей каюте, было свыше его сил, но он знал, что ему нельзя читать письмо от Леры открыто перед камерами. Было всего одно место, где он мог сделать это незаметно, поскольку там можно было встать, чтобы камера наблюдения смотрела ему в спину сравнительно издалека, и при этом совершенно не улавливала, что он делает своими руками. У него оставалась пара-тройка минут, и он очень надеялся, что его облокотившаяся на борт корабля поза не вызовет никаких подозрений. Незаметно развернув записку, он прочитал:

«Здравствуй Андрюшка, милый мой братик.

Как ты там, хороший мой? Я так соскучилась по тебе.

Надеюсь, что тебе передадут моё письмо. Я здесь очень хорошо устроилась. Работаю на кухне. У меня очень хорошая начальница Долли негритянка. Это она нашла кого-то, кто про тебя узнал. Она очень добрая, заботится обо мне и учит меня английскому. Если бы я знала, что с нами такое случится, я бы в школе учила язык намного прилежнее.

Работы, конечно, много, но я не унываю. Пока всё только мою и чищу, но думаю, что Долли научит меня готовить. Она отличный повар, все, что вы едите, это она готовит.

Я уже многое понимаю по-английски. Говорить, правда, пока хорошо не получается, но это вопрос времени.

Если у тебя есть возможность, напиши мне про себя. Мне сказали, что, если ты будешь на хорошем счету, тебе могут даже разрешить ко мне прийти. Очень бы хотелось, конечно.

Хочется о многом с тобой поговорить, но времени мало, а как оно будет дальше вообще пока неизвестно. Я ещё даже не знаю, что это за корабль, Долли сказала, что Иракский. Обязательно напиши мне про себя, как только будет возможность. Я очень-очень ждущу.

Пока все. Нужно идти работать.

Целую тебя,

Твоя сестра Лера».

Раздался звонок, оповещающий всех, что обед окончен.

---

⁵ Приветствую, сэр. Меня зовут Марк.

⁶ Это от твоей сестры. Никому не показывай.

Андрей сглотнул, поскольку комок в горле не уходил. Поспешно сложил письмо вчетверо и положил себе в нагрудный карман.

В течение всей второй половины дня улыбка не сходила с его губ, и работалось ему легко как никогда.

Джонни время от времени поглядывал на него и тоже понимающе улыбался.

Вечером, сразу после ужина Андрей вооружился ручкой и сел на кровать, чтобы написать сестре ответ. Он знал, что камера наблюдения видит его, но он писал в своей тетради, в которой учил язык, а это им не запрещалось.

Глава 2

Утро было прекрасным. На дворе стояла ранняя осень, которая только начала перекрашивать зеленые деревья в красно-оранжево-желтые тона. Вместо весеннего пения птиц были слышны их массовые позывные, когда они, собираясь в небе стаями, выстраивались в разные фигуры, готовясь на время зимы к миграции в какое-нибудь другое место.

Валерий бесшумно выскользнул из-под одеяла, поднялся с постели и, захватив спортивные штаны и футболку, на цыпочках вышел из спальни, чтобы не разбудить жену, которая после вчерашней ночной смены хотела поспать подольше.

Он оделся, вышел на балкон и зажег сигарету. Выкурив ее до половины, он крикнул с досады и, пробормотав что-то типа: «надо бросать курить, Валера», затушил бычок и вернулся в комнату.

Однако, настроение у него немного поднялось, как обычно бывало после утренней дозы никотина. Он хорошенько потянулся во все стороны, заставил себя сделать короткую, но энергичную зарядку, умылся и, прежде чем пойти позавтракать, подошёл к компьютеру, чтобы проверить, как идут дела по программе «БИКЛЗ», так они называли между собой всю операцию с жуками и голубями.

На экране появилась таблица, где напротив каждой птицы должен был показываться уровень поступающего от неё сигнала.

Увидев таблицу, Валерий застыл, открыв рот, а по спине у него побежали мурашки. Всего от восьми птиц из пятидесяти поступал сигнал, о чем говорил зелёный цвет у трёх и жёлтый у пяти. У сорока двух птиц был сигнал красного цвета. Это могло означать только одно – с голубями что-то случилось. Пока Валерий смотрел, у ещё одной птицы сигнал выкрасился из желтого в красный цвет.

Особист включил опцию статистики, чтобы посмотреть, в какое время сигналы перестали поступать, и обнаружил, что это произошло буквально в течение последнего часа.

Лихорадочно соображая, что делать, Валерий задал на мониторе несколько команд и направил их на передатчик, надеясь, что это может помочь. Он «приказал» всем голубям подняться максимально высоко в небо и уже оттуда, не меняя высоты полёта, отправиться в голубятню к Вениамину, специально построенную для этой цели.

Сигнал поступающий от каждой птицы тут же выкрасился в оранжевый цвет, что говорило о большой удаленности от приемника, но это было все ещё в пределах нормы. Надеясь, что он все же успел сохранить оставшихся птиц, Валерий стал просматривать траектории полёта тех из них, которые были выведены из строя, чтобы вычислить, какие из них находились вблизи камер наблюдения в момент, когда сигнал перестал поступать. Спустя мгновение система поиска выдала результат – семь голубей.

Взволнованный Валерий совершенно забыл про завтрак.

«Хотя бы семь!» – подумал он.

Потребовалось не очень много времени, чтобы сопоставить время остановки сигналов с работой камер наблюдения и извлечь из архивных видеозаписей нужные ролики.

Как только был скачан первый ролик, ФСБшник открыл его, чувствуя, как колотится его сердце и пульсирует пульс на кончиках его пальцев.

То, что он увидел, заставило его сердце биться ещё больше, а волосы на голове зашевелились. Ничего не подозревавшую птицу в момент, когда она взлетала с места считывания данных, прямо налету схватил огромный чёрный ворон, резким движением клюва оторвал ей голову вместе с колпачком и взмыл ввысь, бросив мертвого голубя на землю, а голову с колпачком унося в своих когтях.

Валерий открыл другой ролик. Почти такая же картина, но только в этот раз на птицу напала огромная сова. Поведение было идентичным, так же оторвав голову голубя, хищница унесла ее с собой, бросив обезглавленную птицу на землю.

Третий ролик. В этот раз голубя атаковал здоровенный орёл, Валерий даже не знал, что такие водятся в здешних лесах.

Четвёртый ролик. Непонятная тварь, которую Брумелль ни с кем не сумел идентифицировать.

Пятый ролик... – ничего не видно.

Шестой ролик. Невероятно! На этого голубя набросилась непонятно откуда взявшаяся летучая мышь. Валерий никогда не видел таких страшных и больших летучих мышей.

Седьмой... – тоже ничего.

Только в двух случаях из семи камера не зафиксировала на видео момента прекращения сигнала. В остальных же пяти была почти одинаковая ситуация: один ворон, одна сова, один орёл, одна летучая мышь и ещё какая-то огромная крылатая тварь, которую Валерий не сумел идентифицировать из-за неясности видеосъемки. Она была похожа скорее не на птицу, а на летающую рептилию, но может быть это был какой-нибудь пеликан, или цапля.

«Археоптерикс какой-то! Если бы я не видел все это своими глазами, я бы, наверное, просто не поверил. Что-же это за люди такие, с которыми ты связался, дружище?» – подумал Валерий, мысленно обращаясь к Петру.

Он попробовал вызвать друга по телефону, но сеть была недоступна.

Подумав, Брумелль набрал Климова.

– Да, Валера, – ответил его друг. – С добрым ранним утром.

– Надеюсь, я тебя не разбудил?

– Нет. Но ещё бы минут пять пораньше, и разбудил бы, – ответил тот сонным голосом.

– У меня срочное дело, друг.

– Понятно, раз ты в такую рань, и даже не здороваешься.

– Извини... Э-э... здравствуй. У нас сорок три птицы вышли из строя. Я тебе сейчас пришлю, что с ними произошло. Нужно твоё мнение.

* * *

Людмила Строгина проснулась, открыла глаза, увидела журнальный столик и графин с водой на нем, и тут же резко села на постели, поскольку поняла, что находится не у себя дома.

– Ведите себя спокойно, Людмила. Мы не причиним вам зла, – услышала она вкрадчивый мужской голос, и с испугом повернулась в его сторону.

На кожаном кресле у стены, сложив руки у себя на груди, сидел мужчина интеллигентного вида лет сорока, одетый в темно-синюю с отливом рубашку и черные тоже с отливом джинсы. Он был в очках с золотой оправой, волосы чуть поддетые сединой, глаза умные, серые, пронзительные, плечи широкие, руки сильные, что было видно даже сквозь рубашку.

– Кто вы такой? Где я нахожусь? – спросила Людмила со страхом и возмущением.

Мужчина улыбнулся и снисходительно покачал головой.

– Разве это имеет значение сейчас, когда вы находитесь здесь и даже не помните, как вы сюда попали? Вам лучше попридержать ваши женские эмоции и спокойно меня выслушать, если вы не хотите лишних неприятностей. Я достаточно ясно выражаюсь?

В его голосе была власть, с которой было трудно спорить, его глаза пронизывали насквозь и внушали страх.

– Что вы от меня хотите?

– Нам важно понять, где находится ваш сын Петр, который сейчас в бегах, и мы полагаем, что он мог вам сообщить место своего пребывания.

Ей показалось, что он над ней издевается.

– Вы украли моих детей, и теперь помогаете последнего оставшегося?

– Каких-таких детей? О чем вы? – в голосе мужчины было искреннее удивление.

– Как каких? Андрея и Леру.

Мужчина изумленно раскрыл глаза и усмехнулся.

– Вы нас не за тех принимаете, Людмила Сергеевна. Мы сотрудники МВД, того самого отдела, где до недавнего времени работал Петр Иванович. Что касается ваших других детей, то есть подозрение, что они были не украдены, а убиты вашим старшим сыном, тем самым Петром.

Людмила даже отпрянула, как ошпаренная, от этой фразы, хотя и сидела на постели.

– Этого не может быть! – страстно воскликнула она.

– Мы тоже на это надеемся, но такое подозрение существует, и то, что на данный момент он скрывается, это подозрение, к сожалению, подкрепляет. И пока он в бегах, мы не можем опровергнуть эту версию. Вы же нам скажете, где он находится, Людмила Сергеевна? Это в ваших интересах.

Она не верила этому человеку. Всем своим существом она чувствовала, что ему нельзя верить, и она не хочет ему верить.

– Где я нахожусь? – спросила она, больше просто для того, чтобы потянуть время, поскольку она лихорадочно соображала, что делать.

– Я же уже сказал вам, что это не имеет значения.

Она немного подумала. На данный момент ей больше всего хотелось просто разрыдаться от безысходности и ощущения своего бессилия, но Людмила была не из тех, кто даёт волю своим чувствам.

– Самое лучшее для вас, это сотрудничать с нами, поскольку от этого зависит, как ваше благополучие, так и благополучие вашего сына. Он же выходил на связь с вами? Он же сообщал вам место своего пребывания?

В эту секунду Люда вдруг поняла, что он наблюдает за её выражением лица и, задавая вопросы, внимательно смотрит даже на зрачки её глаз, чтобы увидеть ответ на её лице раньше, чем она успеет открыть рот. Не так давно она смотрела сериал про человека, который мог читать выражение лиц окружающих, и их жесты, и по мельчайшим деталям обнаружить, лгут они или говорят правду. Перед ней сейчас был именно такой человек. Люда сделала глубокий вздох и расслабилась. Так её учил сосед, дядя Веня, который в своё время оказал огромное влияние на неё, и на то, кем она себя чувствовала по жизни.

Она посмотрела на мужчину и впервые встретила его колючий взгляд без какого-либо страха. С наслаждением она увидела в глубине его серо-голубых глаз оттенок удивления и смтения, хотя выражение его лица осталось неизменным.

«Профессиональное», – подумала она, и сказала:

– Вы не по адресу. Я не знаю, где мой сын. Он меня не проинформировал. Можете проверить меня на детекторе лжи или пытаться, мне вам совершенно нечего сказать.

Видимо по ней было видно, что она не лжёт, потому что мужчина после некоторой паузы удовлетворенно кивнул и спросил:

– В последний раз, когда вы виделись с Петром, он говорил что-нибудь особенное или примечательное?

Людмила задумалась, и поняла, что ей, по сути, нечего скрывать.

– Нет, ничего такого, на что можно было бы обратить внимание.

– Он говорил о том, что собирается скрыться или уехать?

– Нет. Даже не намекал, – она отвечала совершенно искренне.

Чуть помедлив, мужчина сказал:

– Хотите вы этого или нет, но вам придётся пока остаться у нас. И подумайте, может быть у вас все-таки есть какая-нибудь полезная для нас информация.

С этими словами мужчина поднялся с кресла и быстро вышел за дверь.

* * *

Выйдя из самолета, Канни прошел на автомобильную стоянку к тому автомобилю, номер которого ему сообщил оператор. Это было обычное оранжевое такси, машина марки Форд-Фокус, оборотень бросил сумку на заднее сиденье и устало опустился на переднее пассажирское кресло. У него было дурное предчувствие в отношении встречи с Алексом, но он старался не думать о печальном, и всю дорогу думал о Сюзи и вспоминал последние кадры их прощания.

– Не думай о твоей встрече с начальником, Костик, – сказала она ему перед тем, как он окончательно должен был идти на посадку. – Чему быть, тому не миновать. Оттого, что ты будешь постоянно думать о том, как он тебя может отругать, лучше или хуже ваша встреча не станет. Поэтому не трать своё драгоценное здоровье и настроение на печальные мысли. Думай о хорошем.

– О тебе? – спросил он, глядя в её прекрасные глаза.

Она мило улыбнулась.

– Если я хорошая, то лучше думай обо мне, чем о встрече с начальником.

– Ты – самая лучшая.

– Ну, с этим можно, конечно, поспорить. Я тоже бываю вредная и противная, так что, не обольщайся по моему поводу, – ответила она, кокетливо поведя плечами.

– Это очень трудно представить.

– Конечно. Я понимаю. Но нам все равно, если Бог даст, и такое случится, придётся однажды снять розовые очки в отношении друг друга.

– Не хотелось бы.

Она засмеялась.

– Хочешь сказать, что ты настолько влюблён, что вообще не видишь моих недостатков?

Вопрос был прямым, и он решил на него ответить так же прямо. Удивительное чувство она у него вызывала, желание быть искренним и говорить только правду.

– Думаю, что я ещё никогда в жизни не был так влюблён. Я боюсь сказать, что я тебя люблю, только потому, что знаю, как часто мужчины говорят эти слова женщинам просто для того, чтобы приласкать их милые ушки. Но те чувства, которые ты у меня вызываешь, я переживаю впервые в жизни.

– Неужели ты никого никогда не любил? – с хитрым прищуром спросила она, но он чувствовал, что её очень волнует его ответ.

– Так, как тебя, нет. Даже близко ничего подобного не было.

Она опустила глаза и какое-то время молчала, глядя в пол.

Он спокойно ждал, когда она снова поднимет взгляд.

Когда она посмотрела на него, её глаза были влажными от слез.

– Я могу это расценивать, как признание? – спросила она.

Он не сразу ответил, потому что у него комок встал в горле. Справившись со своими эмоциями, он тихо сказал:

– Если честно... я бы... прямо сейчас... предложил тебе... стать моей женой, если бы... – он поперхнулся и прокашлялся, – если бы я знал, что меня ждёт. Если бы... моё будущее было хотя бы немного яснее и проще.

Она смотрела ему прямо в глаза и ловила каждое слово. Потом взглянула на табло позади него и тихо сказала:

– Тебе пора идти.

Он тяжело вздохнул.

Сюзи грустно улыбнулась. Положила ему руки на плечи и, встав на цыпочки, подтянулась и слегка поцеловала его губы. Он чуть задержал её, боясь быть навязчивым, но Сюзи не отпрянула на этот раз, а позволила себя задержать, и их губы слились в долгом и нежном поцелуе. У него моментально вскружило голову, как впрочем, и у неё, и на какое-то неопределенно долгое мгновение понятие время для них обоих потеряло своё значение. Потом Сюзи осторожно и не спеша отпустила его губы и снова посмотрела ему в глаза, но на этот раз максимально близко, лицом к лицу. Затем она чуть отстранилась, стыдливо опустила голову и отрешенно сказала:

– Все. Тебе пора. Пиши или звони.

Она решительно убрала руки с его плеч развернулась и побежала прочь, не оглядываясь.

Канни проводил её взглядом насколько только мог, пока она окончательно не затерялась в толпе. После этого так же решительно развернулся и пошёл на посадку в самолёт.

Пока он летел, всякий раз, когда ему приходили гнетущие мысли по поводу встречи с мастером, он тут же заставлял себя отвлечься от них, вспоминая вкус её губ и последний наполненный любовью проникновенный взгляд.

Почему-то он постоянно ловил себя на мысли, что где-то когда-то он уже видел эти глаза, которые смотрят вот так вот близко и проникновенно в его душу.

Теперь он точно знал, что бы ни ожидало его в будущем, у него есть смысл жизни, и есть то, для чего ему стоит бороться за свою свободу.

Он молча сел в машину и за всю дорогу не проронил ни слова. Когда таксист остановил автомобиль, Канни молча протянул ему деньги, даже не посмотрев ему в глаза и, так и не сказав ни слова, вышел из машины.

До базы было около десяти километров. Зайдя в лес, он прошёл вглубь шагов тридцать, разделся, сложил вещи в сумку, привычным мысленным приказом обратился в волка и помчался к пункту назначения уверенной размашистой рысью, на ходу отметив для себя, что в метрах ста от него слева были два грибника, которые вполне могли его увидеть мельком сквозь начинающие терять листья осенние деревья. Однако, если бы они на самом деле увидели его, он бы это почувствовал по сильному запаху страха. А так, они, скорее всего лишь услышали шорох, который он издал, когда начал свой бег и, наверное, решили, что это всего лишь крупный лось или кабан, который, слава Богу, протормозил мимо.

Вскоре он почувствовал привычный страх от защитного поля, но даже не притормозил, продолжая двигаться быстро, намереваясь в этот раз бежать до тех пор, пока поле не отключат, будучи уверен, что он сумеет подойти гораздо ближе, чем раньше.

Оставалось всего метров сто, и он даже мог уже различить очертания дома лесника сквозь наполовину голые осенние деревья, когда защитное поле было, наконец, отключено.

За все это время он так ни разу и не замедлил свой ход.

Когда он подбежал к входной двери и встал перед крыльцом, он вдруг ощутил сильнейший запах страха, исходящий изнутри дома. Это был запах Алекса.

«Он меня боится, как никогда», – почему-то очень спокойно подумал Канни и, превратившись в человека, негромко постучался.

* * *

Затворив за собой дверь, Кевин смерил взглядом Леру и вкрадчиво проговорил:

– So, Barbie, will you do it yourself, or I have to take you by force?⁷

– Нет, не надо, пожалуйста, прошу тебя, я ещё девочка, – взмолилась Лера, забыв, что он не понимает русского.

---

⁷ Итак, Барби, ты сделаешь это сама, или мне нужно брать тебя силой?

– I don't understand a word you are saying, but it doesn't matter. You better take off you dress as fast as you can⁸, – сказал Кевин, и схватил её за ворот её рабочего халата.

– Нет! – закричала Лера, пытаясь отбросить его руки.

Кевин резко и сильно ударил её ладонями по обеим щекам так, что она, заслонившись, схватилась за щеки, а он, воспользовавшись этим, рванул её за полы халата и, оторвав все пуговицы, открыл её нательное белье.

– Нет!

Она попробовала вернуть полы халата на место, но Кевин ударил её по лицу так сильно, что она упала на пол, и у неё потемнело в глазах.

Пока она была в болевом шоке, он завернул её руку назад и сорвал одну сторону халата с её плеча.

– Пожалуйста, не надо, – стала плакать Лера, пытаясь сопротивляться.

Кевин, не слушая, схватил её за другую руку, чтобы полностью снять халат. Все ещё сопротивляясь, Лера забрала руку и получила ещё один жесткий шлепок ладонью по щеке так, что у неё зазвенело в ухе.

«Андрей, как жаль, что тебя нет рядом», – подумала она, и тут же закричала изо всех сил:

– Андре-е-ей!!!

Кевин вздрогнул от её крика, поскольку совсем не ожидал этого, но тут же отреагировал и, рванув халат вниз, окончательно сорвал его с Леры.

Теперь она была в одной нательной хлопчатобумажной удлиненной футболке, которую ей выдала Долли. Сидя на полу, на коленях, уткнувшись лицом в ладони, она безудержно рыдала.

Похоже, Кевину понравился её вид, поскольку он удовлетворенно потёр руки и, схватив её за низ нательного белья, резко и сильно рванул его вверх.

Лера сумела в последний момент напрячь руки, это было очень больно, потому что футболка врезалась ей в подмышки, но у него не получилось снять её.

Выругавшись, Кевин схватил её поперёк туловища и с силою поднял вверх. Ему это удалось, но Лера неожиданно повернулась к нему, ударила его коленкой в пах и что есть силы закричала!

– He-e-elp!⁹

– Shit!¹⁰ – выругался он, схватившись инстинктивно за пах, и тут же со всей силы ударил её по лицу так, что она отлетела и стукнулась о стену.

У неё все поплыло перед глазами, и она поняла, что сейчас потеряет сознание.

Как в тумане она чувствовала, что он поднял её ослабевшие руки и сорвал с неё нательную футболку.

Теперь она была перед ним в одних трусах и лифчике.

Остатками сознания Лера чувствовала, что её ноги сгибаются, она медленно сползает спиной по стене, а Кевин хватает рукой её трусы и срывает их с её ног, подтянув её тело за ноги вслед за трусами так, что она окончательно съехала и ударилась головой об пол.

В этот момент Лера окончательно потеряла сознание.

Она уже не видела, как Кевин удовлетворенно встал над ней и с ухмылкой осмотрел её.

Она не видела, как он, уже не торопясь, расстегнул её лифчик и отбросил его в сторону.

Она не видела, как он встал и снял свои штаны.

Не видела она и того, как в тот момент, когда он раздвинул её ноги и хотел уже лечь на неё, дверь в душевую вдруг распахнулась, и Долли, ворвавшись внутрь со сковородкой в руке,

---

⁸ Я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь, но это не важно. Тебе лучше снять своё платье как можно быстрее.

⁹ Помогите!

¹⁰ Проклятие!

пронзительно закричала: «Kevin!» – и ударила его сковородкой по голове так, что он тут же оглушенный свалился без чувств рядом с Лерой, так и не сумев сделать своё злое дело.

* * *

Проезд в военный городок Холмский преграждало КПП с солдатами и дежурным офицером во главе.

Водитель газели остановился на проходной и на вопрос дежурного показал на машину сзади:

– Все вопросы к нему, я просто водитель.

Дежурный подошёл к Петру.

– Здравия желаю. Старший Лейтенант Ищенко. Вы по какому вопросу в Холмский?

Петр протянул ему своё удостоверение и сказал:

– Мы к вам на временное поселение. Василий Олегович Данилин на месте?

Ищенко посмотрел на фотографию на удостоверении и перевёл глаза на рыжего борода-того парня за рулём.

– Это чьё удостоверение?

Петр улыбнулся и протянул ему заранее заготовленную фотографию, на которой поэтапно был показан процесс его гримировки.

– Да, моё, товарищ лейтенант. Вынужденная конспирация.

– Хм. Ловко! – улыбнулся лейтенант. – И как вас звать-величать в вашем таком обличи?

– Можно просто Игорь.

Лейтенант немного помедлил и сказал:

– Я не могу вас сразу пропустить. Мне необходимо подтверждение коменданта.

– Да, пожалуйста.

Дежурный зашёл внутрь помещения КПП и минут через пять шлагбаум открылся, а солдат, открывший его жестом показал, что машины могут проезжать.

Когда Петр проехал за линию шлагбаума, дежурный вышел из КПП подошёл к машине и сказал ему:

– Прямо, на т-образном налево, на светофоре направо, затем третий поворот налево. Красный пятиэтажный дом, средний подъезд второй этаж. Подполковник Данилин ожидает вас.

Когда Петр поднялся в кабинет коменданта, он немного волновался, поскольку у него не было никаких оснований, кроме странной ситуации, сна, звонка Вениамина и нескольких необъяснимых совпадений.

Данилин оказался полноватым, маленького роста, седовласым подполковником с веселыми голубыми глазами. При первом же впечатлении казалось, что этот человек шутник по жизни, и готов смеяться над всем и вся.

– Итак, начальник особого отдела, мистер-икс, Игорь некто, он же Петр Иванович Строгин, агент ноль-ноль-семьсот-семьдесят-семь. Приехал в Холмский на двух машинах, и газелист вообще не при делах. А дети, как я понимаю, уже проснулись? – встретил его улыбающийся подполковник веселым вопросом, протягивая ему руку. – Вы кто по званию, Петр Иванович?

– Такое же, как и у вас, Василий Олегович. Дети пока спят, но вот-вот проснутся, если уже не проснулись

– Хм, такой молодой, и уже подполковник? – удивился комендант. – Поделишься опытом, как побыстрее подняться по карьерной лестнице?

– Без проблем. Но это только опыт работы в нашей конторе.

– Ладно-ладно, я понимаю. Давай так, я тебе предоставлю частный дом, большой довольно-таки, на тебя и твою семью точно хватит. Три спальни плюс большая столовая. Езжай туда, разгружайся и отпуская газель, а потом ко мне, будем разговаривать. Тебе нужно оставлять свой маскарад в нашем городке?

– Вопрос вашего уровня секретности?

– Если тебя смогут достать здесь, то достанут и с маскарадом. Тем более, что ты приехал со своей семьёй, поэтому, если я правильно понимаю, раз уж ты с ними, то и маскарад ни к чему.

– Согласен.

– Все, жду тебя через час в нормальном облики.

Через час Петр снова был у коменданта, все ещё загримированный.

– О, Игорь! А где он же Петр? – спросил комендант, улыбаясь сквозь седые белесые усы.

– Уно моментом, – ответил Петр, зашёл в ванную и через пять минут вышел оттуда без парика и бороды.

– Вот это другое дело! – воскликнул Данилин: – Ты как детям объяснил свой изменённый облик.

– А я им не объяснял. Я для них был дядей Игорем, который им помог переехать, – ответил Петр своим естественным голосом.

– А-а, тогда понятно. Вы нормально устроились?

– Отлично, просто. Дом шикарный. Жена и дети в восторге.

– Вы, похоже, натерпелись в последнее время, или мне кажется?

Петр почему-то не удивился такому вопросу со стороны Данилина, и просто ответил:

– Да. Изрядно натерпелись.

– Садись, – комендант указал Петру на удобный стул рядом со столом, на кофейный прибор со всеми причиндалами, сел напротив, налил себе и Петру кофе и сказал: – Давай, рассказывай все по порядку. Можешь не переживать. Я – могила. От меня никто и ничего не узнает.

Петр вспомнил слова Вениамина в отношении Данилина и подумал, что даже если бы охотник ему ничего не сказал, он скорее всего, оказавшись в таком положении, после всего случившегося итак рассказал бы коменданту все или почти все, поскольку чувствовал к нему необъяснимое внутренне доверие на интуитивном уровне.

Он глубоко вздохнул и начал рассказ. Подполковник слушал очень внимательно, не говоря ни слова, не задавая уточняющих вопросов, не издавая лишних звуков. Если Петр показывал фотографии в подтверждение своего рассказа, он каждую из них внимательно рассматривал со всех сторон.

Когда рассказ был окончен, комендант вздохнул вместе с Петром и спросил:

– Вопросы уместны?

– Да, вполне.

– Сколько человек были посвящены в операцию БИКЛЗ?

– Со мной четверо.

– Ты уверен в Брумеле и в Климове?

Петр чуть задумался и ответил:

– В Брумеле да. В Климове... я его ни во что не посвящал. Он – только технолог-изобретатель. Мы с ним даже не виделись.

– И ты думаешь, что он не станет вникать в детали, для чего используется его последняя фишка?

– Вопрос понятен. Он – друг Брумеля. Мы в разных отделах. Думаю, он бы не стал мне помогать без Валерия. А так, тот попросил, а этот предоставил.

– Ладно, оставим пока эту тему. Просто, у меня нехорошее предчувствие. Но пока оставим. Время покажет.

– В моем случае трудно сказать, насколько время может оказаться другом.

– Связь с ними есть?

– Да, наша внутренняя.

– Кто к ней имеет доступ?

– Только наша контора, и только между собой. У каждого свой индивидуальный номер.

Прослушка исключена.

– Но ты ведь не доверяешь Морозову? – спросил Данилин, внимательно наблюдая за реакцией Петра.

– Это можно было вычислить из моего рассказа? – ответил Петр вопросом на вопрос.

– Значит, не доверяешь, – комендант потёр лоб ладонью и спросил: – У тебя у самого какие мысли, на кого ты нарвался? На самых верхних?

– Думаю, да. Хотя, я бы, наверное, назвал их самыми нижними.

– С определением согласен, но это значит, что у тебя шансов мало.

– Я понимаю.

– Если только у Всевышнего на тебя не особые планы.

При этой фразе Петр резко посмотрел коменданту в глаза.

– А ты в Него веришь, Василий Олегович? – комендант вызывал какое-то особенное уважение, поэтому Петр, хотя и обращался к нему на «ты», не мог не назвать его по имени отчеству.

– Конечно, верю. Мне пришлось с Ним столкнуться пару раз.

– Расскажи, Василий Олегович.

– А что рассказывать? В первый раз я умер. А во второй чуть не умер.

– А подробнее, – Петру показалось, что он сейчас услышит нечто очень важное.

Видя искренний интерес собеседника, Данилин спросил:

– Рассказ может затянуться. Твои тебя надолго отпустили?

– Им не выбирать. Особенно в свете последних событий.

– Хм... – Подполковник потер лоб ладонью. – Ну, тогда, коли на самом деле интересно...

Петр налил себе свежего кофе, откинулся на спинку стула и приготовился слушать.

* * *

«Дорогая моя и любимая сестренка,

Я так рад, что получил от тебя письмо. Это глоток свежего воздуха, глоток живой воды в жаркой пустыне.

А как радостно слышать, что у тебя все хорошо. Я целыми днями только и думал, как там ты, и все ли нормально с тобой.

Теперь, хотя мы и рабы на корабле, и все ещё непонятно, как мы здесь оказались, все равно радостно, что мы, пусть даже и через письма, можем друг с другом общаться.

За меня можешь не переживать. У меня все нормально, если вообще можно назвать наше пребывание здесь нормальным. Но все познаётся в сравнении. Я думаю, лучше работать, пусть даже и физически, пусть даже и тяжело, но работать, а не быть сексуальными рабами, что в наше время, хоть это и ужасно унижительно, все равно случается и не мало.

В моей работе разнообразия нет. Несколько дней отскребали старую краску от стен, а потом красили эти стены новой краской. Сейчас будем снова отскребать (в другой каюте), а потом, видимо, снова красить. Ничего интересного. Но что касается английского, я тоже его активно учу. Здесь без него никак.

Кормят нас нормально. Вкалываем из всех сил, но питание вполне приемлемое. Если это твоя Долли так готовит для рабочих, то ей большой привет и благодарность от всех нас.

Храни себя, родная моя. Мы в опасном месте. Здесь с людьми не церемонятся. При мне одного парня просто выкинули за борт, и все. Так что, будем стараться выжить, и кто знает, может быть, вырвемся отсюда когда-нибудь.

Очень люблю тебя, Лерочка, сестричка моя.

Целую тебя,

Твой брат Андрей.

Перечитав письмо ещё раз на предмет ошибок, Андрей попробовал перевести его на английский язык просто так сам для себя, а затем бережно свернул листок бумаги вчетверо и положил его под подушку. Завтра предстоял новый сложный день. Их отправляют на новое место, и им снова придётся вкалывать с утра и до вечера. Спири и Чарли уже спали. Чарли как обычно храпел, но Андрей уже к этому привык и, как только закрывал глаза, засыпал как убитый, ничего не слыша.

Перед тем как выключить свет, он решил записать и повторить новые слова, которые услышал за день и, если хватит сил, выучить ещё несколько слов из Азбуки.

Пролистав несколько страниц до того места, где он закончил в последний раз, он перевернул страницу и вдруг заметил чью-то закладку, сложенный в полоску тетрадный лист.

Андрей взял закладку, развернул её ради любопытства и обнаружил, что внутри написаны шариковой ручкой несколько строк:

«Hi, my name is Rudy.

If you read this message, I think, God loves you, and He heard my prayer.

Though, if you will throw it away, and never read it to the end, it doesn't mean that He loves you not. He loves you anyway, but you just throw away your chance to read my story about it. But if you want, you may read my story, and I hope that you like it, and it will be a blessing for you...»

Андрей дошёл до конца, пытаясь понять прочитанное, но понял лишь некоторые отдельные слова:

«Привет, моё имя Руди. Если ты, читаешь это сообщение, я... Бог любит тебя, и Он... моё... если ты будешь... это... и... читать это до конца, это... что Он любит тебя нет. Он любит тебя... но ты... твоё... читать мою историю об этом. Но если ты... ты... читать мою историю, и я... тебе понравится это, и это будет... для тебя...»

«Белиберда получается!» – подумал Андрей, но от этого ему ещё больше захотелось уловить смысл этой короткой записки.

Он выписал те слова, которые не знал, и решил попробовать понять их значение в общении с Джонни.

На завтрак он передал свой ответ через того парня, который принёс ему Лерино письмо и попросил мулата объяснить ему значение выписанных слов.

Для Джонни не составило труда объяснить словосочетание: «He heard my prayer». Он просто показал наверх, потом на уши, сложил ладони перед собой и возвёл глаза к небу. Андрей сразу понял, что фраза означает: «Бог слышит мою молитву».

Фраза: «throw it away» тоже оказалась простой. Джонни взял кусок картона, валявшийся на полу и выбросил его в сторону. Было понятно, что эта фраза означает: «выбросить».

Со словом: «never» тоже не было проблем. Зная, что Андрей уже выучил английские слова со значением: «вчера», «сегодня», «завтра», мулат просто сказал:

– Not yesterday, not today, not tomorrow, never!¹¹

– Ok. I understand,¹² – ответил Андрей, догадавшись, что это слово означает: «никогда».

Слова: «want» и «think» тоже оказались сравнительно не трудными. Андрей быстро понял по жестам Джонни, что одно означает «хотеть, желать», а другое «думать». А вот со словом: «chance» мулату пришлось потрудиться. На завтраке времени на объяснение не хватило, поскольку на приемы пищи им уделялось максимум пятнадцать минут, поэтому они продолжили во время обеда, и к концу трапезы Андрей все-таки понял, что это слово означает: «шанс». После множества попыток, он понял так же, что «hope», наверное, означает надежду, а «blessing» ещё что-то хорошее.

А вот слова: «doesn't mean», «anyway», «though», «just» Джонни так и не смог объяснить. Как он ни старался, как ни жестикулировал, Андрей так и не понял, что это означает и решил, что постарается сам догадаться по смыслу, после того, как подставит уже известные слова в текст сообщения на закладке.

Рабочий, через которого он послал письмо для Леры, сказал, что отдал письмо Долли. Это было радостно. Андрей очень надеялся, что Лера успеет написать ему ответ до ужина, хотя и реально понимал, что скорее всего ему придётся подождать до завтра.

Как он и предполагал, на ужине ему так ничего и не принесли, а после ужина он был, как обычно, ужасно уставшим, но это было то свободное время в их расписании дня, когда их никто особенно не напрягал.

Обычно, если на завтраке и на обеде они должны были быть строго вовремя и успеть поесть за 15 минут, то ужин рабочие вкушали, не торопясь, спокойно общаясь друг с другом. Так же не спеша они расходились после вечерней трапезы по своим каютам. Им нельзя было выходить за пределы своей территории, но на отведённом им ограниченном участке они имели определённую долю свободы. Они могли постоять, облокотившись локтями о борт корабля, покурить и поплевать в океан. На ужин им даже два раза в неделю выдавали пиво для тех, кто хотел, хотя и не больше одного стакана на человека. На их ярусе был вполне приличный для рабов душ, где одновременно могли мыться три человека, и они имели возможность пользоваться им после работы в течение двадцати минут. Поэтому, чтобы всем успеть помыться хотя бы один раз в три дня, они разбились на три смены по девять человек в каждой, и мылись очень шустро, поскольку на человека получалось не больше шести минут. Однако это все равно было очень приятно, смыть с себя грязь и пот после жаркого рабочего дня пусть даже и всего два раза в неделю.

Их было двадцать семь взрослых мужчин-чернорабочих, видимо командование понимало, что, хотя у них и есть штат отлично подготовленных и вооруженных до зубов охранников, лучше относиться к рабам более-менее по-человечески, чтобы максимально снизить риск возникновения возможного бунта, учитывая, в каких условиях им приходится работать.

В другой части корабля было отделение для женщин, которые занимались в основном стиркой и уборкой. И хотя было несколько мужчин, которые иногда работали на женской территории, и несколько женщин, которые время от времени заходили на мужскую территорию для выполнения своей работы, спали мужчины и женщины исключительно в пределах своих территорий.

Однако, как рассказывали Андрею, иногда в качестве наказания некоторых женщин-рабынь отдавали мужчинам-рабам, чтобы те потешились с ними, хотя и в таких крайне редких случаях были те мужчины, которые отказывались участвовать в такой утехе. Некоторые по своим личным соображениям, а некоторым было просто противно.

---

¹¹ Не вчера, не сегодня, не завтра, никогда!

¹² Ладно. Я понимаю.

Так или иначе, жизнь на корабле оставляла желать лучшего, и Андрей был далеко не в восторге от всего, что он видел, слышал и переживал. Он очень сильно тосковал по дому и по родной сестре, мечтая, что когда-нибудь ему разрешат, как некоторым пользующимся доверием рабам, заходить на женскую территорию и тогда он сможет увидеть Леру, а может быть даже поговорить с ней хотя бы немного. Мысль о том, что его сестру могут использовать сексуально, когда она подрастёт, заставляла его стискивать кулаки и сжимать зубы от желания разорвать на части все командование этого судна, начиная с капитана.

Перед тем как лечь спать, Андрей достал свою тетрадь для изучения английского языка, и попробовал перевести текст с закладки, подставляя те слова, которые он узнал в течение дня от Джонни. Затем он какое-то время размышлял, какие слова по смыслу подходят под все ещё остающиеся пропуски, и предположительно вставил их на эти пустые места. Получилась такая записка:

«Привет, моё имя Руди. Если ты, читаешь это сообщение, я думаю, Бог любит тебя, и Он слышал мою молитву. Хотя, если ты выбросишь его, и никогда не прочитаешь его до конца, это не значит, что Он тебя не любит. Он любит тебя все равно, но ты просто выбросишь свой шанс, прочитать мою историю об этом. Но если ты хочешь, ты можешь её прочитать, и я верю, что тебе это понравится, и это будет чем-то хорошим для тебя».

Воспользовавшись тем, что Спири ещё не спит, он позвал его и показал ему закладку.

– Hey, Spiri. You know... what is this? It's yours?¹³

– Oh, man! Where did you get it?¹⁴

– In your book.¹⁵

– Oh! I see. Yeah! It's a book mark. I used it too.¹⁶ – Андрей стал замечать, что за время своего пребывания на корабле он стал чувствовать значение слов даже когда он встречал их впервые. Как, например, сейчас, он понял, что речь идёт о закладке, которую Спири тоже использовал.

– Did you read it?¹⁷ – спросил он, разворачивая закладку и показывая её внутри.

– Oh! There are letters inside of it! I've never seen it before. Let me read it.¹⁸

Он взял у Андрея закладку и стал читать написанное, усмехаясь чуть ли ни на каждой фразе. Возвращая её, он смеясь сказал:

– It is so fanny. If God really loved me, I would never happen to be here.¹⁹

Андрей пожал плечами и, сунув закладку снова в азбуку, спросил:

– Did you know this Rudi?²⁰

– Who? – Андрей показал на начало записи в закладке. – Oh! The one, who wrote that nonsense? No. Praise God, I don't know him.²¹

В этот момент Чарли беспокойно заворочался во сне и пробурчал что-то типа: «Why don't you all better go and jump down to the ocean and let me just sleep normally»,²² тем самым положив конец их разговору.

---

¹³ Эй, Спири. Ты знаешь... что это? Это твоё?

¹⁴ О, парень! Где ты это взял?

¹⁵ В твоей книге.

¹⁶ О! Я вижу. Да! Это закладка. Я тоже ей пользовался.

¹⁷ Ты читал её?

¹⁸ О! Там есть буквы внутри! Я никогда не видел их раньше. Дай мне прочесть.

¹⁹ Это так смешно. Если бы Бог меня любил, я бы здесь никогда не оказался.

²⁰ Ты знал этого Руди?

²¹ Кого? А, того, кто написал этот бред? Нет, слава Богу, я не знаю его.

²² Почему бы вам лучше не пойти и не прыгнуть вниз в океан и просто не дать мне нормально поспать.

Глава 3

Дверь открылась. Алекс стоял на пороге и злобно смотрел на него. Канни решил не испытывать судьбу, и мельком взглянув в глаза стражу, тут же опустил голову, стараясь вести себя так же, как и всегда. Однако внутри самого себя он ощущал огромную разницу в своём отношении к колдуну. Теперь он даже уже не считал его своим хозяином, поскольку понимал, что был украден у родной матери и попал в подопечные к Алексу не по своей воле.

– Что-то изменилось, Канни? Ты стал другим? – спросил страж своим обычным раздражительным тоном, однако на этот раз это ужасно резало слух.

Оборотень промолчал, сознательно гася в себе закипающий гнев.

– Почему молчишь? – продолжал колдун, будто чувствовал, что с Канни что-то не так.

«Нужно попробовать вспомнить, как я себя вёл раньше. А для этого нужно относиться как раньше, иначе он меня раскусит».

Он попробовал искусственно вызвать у себя эмоцию раболепного отношения. Это потребовало усилий, но у него получилось войти в эту роль, и он даже почувствовал страх перед мастером.

– Отвечай! – прикрикнул на него Алекс.

Канни вздрогнул и пригнулся, как будто ожидал удара от колдуна. Это получилось очень естественно. Мельком взглянув на хозяина, оборотень сказал:

– Я не знаю, что отвечать.

– Отвечать, какие произошли изменения, – таким же жёстким тоном продолжил Алекс.

«Интересно, он ведь всегда так со мной разговаривал. Только раньше я воспринимал это как должное», – подумал Канни, но тут же заставил себя отвлечься от этих мыслей.

– О каких изменениях вы спрашиваете, мастер?

– О твоих чувствах, гаденыш.

Канни пугливо втянул голову в плечи, но ответил вопросом на вопрос:

– О том, что я влюбился?

– И об этом тоже.

– Вы же знаете, мастер, что, когда человек влюбляется, он меняется.

– Ты не просто человек, Канни. Ты оборотень. Ты агент, наделённый специальными возможностями. Ты не можешь влюбляться, как все другие люди.

– Вы хотите, чтобы я её забыл, мастер? – спросил Канни, играя в готовность повиноваться.

– И это тоже. Скажи, как ты сумел подойти так близко? Ты не чувствовал страх.

– Чувствовал, мастер.

– Тогда зачем шёл дальше?

Канни пожал плечами и решил ответить честно.

– Проверял, как долго я могу терпеть.

– Зачем?

Оборотень снова пожал плечами:

– Захотелось испытать себя.

Ответ, видимо, был удовлетворительным.

– Скажи, а что за инцидент у тебя произошёл вчера ночью? Ты с кем-то дрался?

«Он знает! – сначала с испугом подумал Канни, но потом вспомнил, что мастер может в любой момент времени подслушать все, что с ним происходит, и решил ответить как есть.

– Да, мастер. Это был местный главарь оборотней.

– Там был... шабаш?

– Да, мастер.

– А зачем ты туда пошёл?

– Меня позвала полная луна, – ответил Канни, чувствуя, что здесь он может говорить все так, как он и было.

– А почему стал драться? – продолжал спрашивать колдун, и Канни понял, что ответ его был приемлемым.

– Он бросил вам вызов, мастер.

– Мне?! Как он мог? Меня же там не было?

– Он стал возвышать себя и свою власть и уничивать ваше руководство, требуя отречься от вашей власти. Мне показалось это несправедливым, и я ответил на вызов.

Алекс покачал головой, но похоже, ответ ему очень понравился.

– Судя по записи, тебе пришлось нелегко, да?

– Он почти убил меня, мастер.

Немного помедлив, как бы взвешивая следующую свою фразу, колдун спросил:

– А куда ты пропал на два часа, когда он к тебе пришёл утром? От тебя не было никаких сигналов.

«Он не знает, что я был в астрале. И об этом нет записи. Не нужно, чтобы он об этом знал», – подумал Канни, и ответил.

– Он все ещё пытался меня переманить.

– Об этом я знаю, но потом вы оба замолчали.

– Поединок взглядов, – ответил оборотень как ни в чем не бывало. – Он пытался меня загипнотизировать, но... я не поддался.

– Мм, понятно, – ответил Алекс. – А почему так долго?

Канни пожал плечами.

– Не знаю, мастер. Время пролетело незаметно.

Колдун удовлетворенно кивнул головой. Видимо, ответы его подопечного были вполне адекватными, поскольку страж вдруг перестал задавать вопросы, и сказал тоном гораздо более мягким:

– Ладно. Давай обсудим твоё следующее задание.

Если бы не стоящий напротив страж, оборотень вздохнул бы с облегчением, но он понимал, что ему нельзя показывать своих настоящих чувств, поэтому он просто кивнул головой, выражая своё внимание и готовность к действию.

Алекс повернулся к двери и мотнул ему головой, приглашая его войти в дом следом за собой.

* * *

– Ну, и что ты об этом думаешь, дружище? – спросил Брумелъ Климова после того, как тот просмотрел переданные ему видеозаписи с камер наблюдения.

– В самом деле, любопытно. Технически это осуществить довольно сложно, но не невозможно. Думаю, что здесь тоже используются природные свойства хищников, их направляют на цель, а дальше они делают своё дело.

– А тебя не удивляет, что они отрывают голову с колпачком и уносят её с собой? – спросил Валера.

– Ещё как удивляет. Такого рода программа, конечно, тоже возможна, но должен признать, это высший пилотаж. Видимо, они охотятся на колпачки намеренно, и в них вложена именно такая программа действий. Если они сумели найти наши колпачки, значит, они сумели их вычислить. Это само по себе странно, поскольку эти штуковины очень непросто обнаружить. Мне это говорит о том, что, если у них есть такое оборудование, значит они на шаг впе-

реди нас. Но тогда непонятно, почему они их просто не перебили своим сигналом и не направили наших птиц к себе? Почему они с ними так жестоко расправляются?

– А как насчет размеров? Тебя не шокируют эти чудища?

– Размеры, конечно, большие, не спорю. И то, что они все такие, тоже странно, хотя я вполне понимаю, почему подбирали тварей такого размера. Им нужен был результат. Хищник меньшего размера не сможет с такой лёгкостью оторвать голову, пусть даже и у голубя.

– А как насчёт этой последней, которая похожа на какого-то динозавра?

Геннадий открыл файл с записью, чтобы ещё раз посмотреть.

– Хм, да, ты прав, – он почесал затылок. – Это весьма интересный экземпляр. Я как-то сразу не обратил на него особого внимания. Что вы там отслеживали с помощью БИКЛЗов? НЛЮ, говоришь?

– К чему ты клонишь? Что это инопланетная зверюга?

– Больше похожа на ископаемую, только вот, хм... а почему бы и нет? Говорят же, что типа, они вначале прилетали на нашу планету, ну, эти... как их там... рептилоиды. Вот прикол будет, если вы действительно наравались на этих... э-э... первобытных богов.

– У тебя есть предположение, как они вычислили всех наших птиц одновременно? – спросил Валерий, не желая продолжать эту скользкую тему.

– Да, предположение-то есть. Способов много. Только, каким именно они пользовались, пока неясно. Лично я, конечно, могу попотеть и добиться от птицы выполнения команды на таком уровне, но для этого мне понадобится аппарат гораздо большего размера, чем колпачки. А здесь, насколько я вижу, ничего такого нет. Может быть, они встроенные?

– Микрочип?

– Похоже на то. Хотя, честно говоря, не знаю. Заполучить бы такую птичку к себе. Я бы в ней покопался.

– А что ты предлагаешь делать сейчас?

Климов немного помедлил с ответом.

– Я бы, наверное, предложил на какое-то время залечь на дно.

– В смысле?

– Все прекратить. Максимум, что можно сделать в этой ситуации, это собрать нано-ботов. Это лучше сделать ночью с помощью другого рода птиц. Тебе удалось получить с их помощью хотя бы какие-то данные, которые ты хотел?

– Ну, так, совсем немного, – Валерий почему-то решил ответить уклончиво.

– Думаю, что этим придётся ограничиться.

– Почему так категорично? – несколько удивился Брумель.

– Потому что мы встретили неожиданное противодействие очень агрессивного характера, при этом мы даже не подозреваем, какие в этом задействованы технологии. Самое правильное сейчас все свернуть.

Валерий услышал, что в голосе друга появились непривычные испуганные нотки

– Хм, это... несколько...

Он ещё что-то говорил в трубку, но Геннадий уже не слушал его, потому что в этот момент в его комнату вошёл высокий широкоплечий коротко подстриженный мужчина со сложенными на груди руками, одетый в длиннополый темный плащ из какого-то дорого с отливом материала, темные тоже с отливом брюки и черные лаковые туфли. Он с вызовом смотрел на Климова зелёными колючими глазами и с осуждением качал головой. Что внушало особенный ужас, так это зрачки его глаз, которые были не круглые, а вертикально-продолговатые, как у кошки.

– Ладно, пока, друг. Мне нужно кое-что сейчас выяснить, – быстро сказал изобретатель и отложил телефон в сторону, не выключая связь, но незаметно нажав на кнопку, предупреждающую об опасности.

Посмотрев в сторону отложенного телефона, мужчина хитро прищурился и заговорил низким с придыханием голосом удава Каа.

– Напрасно вы не выключили телефон, Геннадий Павлович. Что ж... нам пришлось выключить его вместо вас.

– Кто вы такой, и что вам от меня нужно? – спросил Климов, лихорадочно соображая, что делать в этой ситуации.

– Не спешите задавать свои вопросы, Геннадий Павлович. Вы же не знаете, с кем имеете дело. И потом, я бы посоветовал вам говорить тише, дабы не разбудить жену и дочку. Вы же не хотите, чтобы они совсем не проснулись?

Его голос обволакивал своей вкрадчивой мягкостью, но изобретатель прекрасно понимал, что перед ним человек обладающий гораздо большей властью чем его собственная.

– Как так получилось, господин Климов, что вы, будучи таким гениальным специалистом, ввязались в столь опасное дело, не думая о последствиях, а?

– Что вы хотите? – спросил он, чувствуя, как страх мурашками парализует все его тело.

Прежде чем ответить, незнакомец зашёл в комнату, сел на кресло напротив Климова, положил ногу на ногу, не спеша размял пальцы ладоней, хрустнув каждой фалангой, затем закинул руки за голову и, чуть прикрыв свои глаза, сказал:

– Наверное самым правильным в данной ситуации будет слово «сотрудничество».

* * *

Она очнулась на своей кровати в комнате Долли. Негритянка стояла над ней и прикладывала к её лицу холодную мокрую тряпку.

Когда Лера открыла глаза и подняла голову, Долли сказала:

– Praise God, you are back! How are you doing, girly? This monster almost raped you.²³

– Well... I'm fine,²⁴ – она поднялась на локтях, но тут же вскрикнула от острой боли у себя в спине и плечах.

Увидев такую гримасу у неё на лице, Долли положила ей ладонь на голову и чуть нажала, возвращая её снова на подушку.

– You better sleep now. Your whole body is in scars. Don't hurry to get up.²⁵

В этот момент раздались шаги и голоса, и на камбуз почти вбежали несколько мужчин.

– Where is she? Where is that cook?²⁶ – сказал кто-то грубо и властно.

Затем в их каюту ввалились три мужика, судя по одежде не рабы, а наемники с какой-то дополнительной желтой каемкой на кармане одежды.

– Вот ты где! – сказал один из них на английском, схватил Долли за волосы и потащил за собой. – Ты идешь с нами.

– Он почти изнасиловал её, ребята. Я просто защищала её. – Попыталась оправдаться Долли, но мужчина, не слушая, вытащил её из камбуза.

– Please, don't do bad to her. She protect me,²⁷ – слабым голосом проговорила Лера мужчине, который выходил последним.

Он остановился и обернулся на неё.

– Who are you? What are you doing here?²⁸ – спросил он её, пристально глядя.

---

²³ Слава Богу, ты пришла в себя! Как твои дела, девочка? Этот монстр почти изнасиловал тебя.

²⁴ Ну... у меня все нормально.

²⁵ Тебе лучше сейчас поспать. У тебя все тело в шрамах. Не спеши подниматься.

²⁶ Где она? Где эта повариха?

²⁷ Пожалуйста, не делайте ей плохо. Она меня защищать.

²⁸ Кто ты и что здесь делаешь?

– My name is Lera. I am from Russia.²⁹ – Она попробовала сесть на постели, поскольку ей было неловко разговаривать со взрослым мужчиной лежа, но когда она встала, её шея и спина отозвались такой резкой болью, что она снова вскрикнула, а её лицо исказила болезненная гримаса.

Увидев это, мужчина подошел к ней и стал внимательно рассматривать её царапины и синяки.

– Who did it to you?³⁰ – спросил он, осторожно дотронувшись до огромного синяка у нее на щеке.

– Кевин, – ответила она, стыдливо закрывая ладонью ушибленное место.

– How old are you, baby?³¹ – спросил он, покачав головой.

– Thirteen.³²

– And he wanted to rape you, so little?³³ – удивился мужчина.

Лера закивала головой, жалобно глядя на него, с робкой надеждой, что хоть кто-то из этих сильных и больших мужчин сможет её понять и защитить.

Он постоял немного, качая головой, а потом повернулся и, уходя, сказал:

– Ok. Don't worry about your Dolly. I will tell them.³⁴

Как только он вышел, у Леры все поплыло перед глазами, и она потеряла сознание.

Когда мужчина подошел к остальным, он увидел, что Долли раздетая лежит растянутая на деревянной скамье, двое мужчин держат её за руки и за ноги, а третий уже приготовился её высесть плетью.

– Эй, ребята. Вы уверены, что будете живы после этого? Вы знаете, что можете умереть? – спросил их вновь подошедший.

Они подняли на него удивленные глаза.

– Что ты имеешь в виду, Робби? – спросил один из них.

– Ну. Долли лучший повар на корабле. У них нет другого на этом уровне. Мы можем её наказать таким образом, но они все равно оставят её работать. Самое меньшее, что она может сделать, это положить что-нибудь в вашу пищу, что вызовет проблемы в вашем желудке, и вы не встанете с толчка несколько дней. Худшее что она может, это положить крысиный яд к вам в еду. Вы не боитесь? – спросил Робби таким тоном, что тот, кто держал плеть, сразу неуверенно опустил её, а те, которые держали руки и ноги, тут же ослабили хватку.

– Да-да. Если вы не оставите меня сейчас, я точно вас всех поубиваю, и вы даже не заметите как, – сказала Долли и, почувствовав, что они перестали её крепко держать, тут же уверенно села на скамейке и стала одевать свой рабочий комбинезон, совершенно не стесняясь перед мужчинами своей наготы.

– Что нам делать? – неуверенно спросил один из них. – Мы же не можем это оставить просто так?

– Почему нет? – спросил Робби. – Что нам мешает?

– Ну... Она причинила боль Кевину.

– Ты видел эту девчонку, которую он насиловал? – Спросил Робби. – Она еще совсем дитя. Он всю её изнасил. Что бы ты сделал на месте Долли?

---

²⁹ Меня зовут Лера. Я из России.

³⁰ Кто это сделал тебе?

³¹ Сколько тебе лет, крошка?

³² Тринадцать.

³³ И он хотел изнасиловать тебя такую маленькую?

³⁴ Ладно. Не переживай насчет своей Долли. Я им скажу.

– Да, что бы ты сделал на моем месте, Гарри? – Спросила Долли, завязывая фартук. – Ребята, я обещаю делать исключительно для вас мясной пирог каждое воскресенье, если вы позаботитесь, чтобы Кевина больше не было на камбузе.

Ребята неуверенно переглянулись. Было понятно, что Долли больше уже ничего не грозит. Она встала, поправила на себе одежду и спросила, снова обращаясь к Гарри:

– Гарри, почему бы тебе не занять его место?

– Мне? – растерянно спросил Гарри, в то время как Долли, окончательно приведя себя в порядок, сказала:

– Ладно, народ. Мне нужно идти. Еще полно работы, и девчонке точно нужна моя помощь после этого монстра.

Она ушла, провожаемая растерянными взглядами мужчин, после чего один из них задумчиво проговорил:

– На самом деле, Гарри, почему бы тебе не занять его место? Кевин никогда не баловал нас чем-нибудь вкусеньким с камбуза.

* * *

– Первый раз был, наверное, еще в детстве, – начал Данилин свой рассказ. – Очень странный случай, и как его объяснить, я, честно говоря, не знаю. У меня бывали ребята из этих, как их, в общем, серьезно верующих. Некоторые даже от присяги отказывались. Говорили, что, мол, они уже присягнули на верность другому правителю, то есть, Богу, и поэтому не могут принять другую присягу. В общем, я с ними неоднократно беседовал, пытаюсь их лучше понять, ну и, чтобы узнать побольше. Раньше я думал, что они просто со странностями. Ан нет! Есть, конечно, и со странностями, но в основном вполне нормальные ребята. И среди них есть очень даже образованные и умные люди, которые за дело если берутся, то можно быть уверенным, что они все сделают как надо, и даже проверять не стоит. И я и их тоже спрашивал, но... как ни странно, никто так и не объяснил мне, что со мной было.

Короче. Мне было лет, наверное, семь. Мы гостили у бабушки с моей матерью. Вечером они все еще сидели за столом и смотрели телевизор, а меня отправили спать. В общем, я уснул, или не уснул, а лишь вздремнул, знаешь, бывает такое состояние между явью и сном, и тут заходит в комнату какой-то дед, лет шестидесяти пяти, седовласый, с небольшой бородой, в шляпе, и говорит по-доброму так: «Привет, Вася».

Я ему удивленно: «Здравствуйте... А вы кто?»

Он мне отвечает: «Я твой прадедушка. Меня зовут Николай Фёдорович Коган, ну или просто дядя Коля».

А я ему: «А, понятно. А вы для чего здесь?»

А он: «Да вот, тебя пришёл повидать. Ты как, мамку слушаешься?»

Я говорю: «Да так, не всегда». А он: «Это ты зря. Маму слушаться надо. Давай-ка, Вася, не балуйся и веди себя хорошо. Так Господь заповедал.»

Поворачивается и выходит из комнаты. Я за ним, выхожу из спальни и вхожу, вроде как бы в зал, но только там никого нет, ни бабушки, ни мамы. Шторы какие-то другие, зеленого цвета, стол круглый. Я останавливаюсь, удивляюсь и начинаю оглядываться, а он за это время вышел из комнаты и дверь за собой закрыл. Я за ним, выхожу за дверь и... как будто из сна вышел. Смотрю, я сижу на кровати в своей спальне, свет выключен, никого рядом нет, из комнаты звучат голоса.

Я вскакиваю, выбегаю туда, там бабушка, мама. Они мне: «Ты чего такой перепуганный?» Я им начал рассказывать, они удивились и давай меня расспрашивать, как он выглядел, как комната другая со шторами выглядела. В общем оказалось, что бабушкин отец, который уже давно умер, именно так и выглядел, как я его описал, и имя у него такое, и фамилия, и что

интересно, когда он был в живых, на его квартире, где он тогда жил, был именно такой зал с круглым столом и зелёными шторами и со всеми предметами обихода, которые я увидел. Объяснить мне, что это было, как я уже тебе сказал, мне так никто и не смог.

Второй случай был уже значительно позже. Я уже тогда бы старшим лейтенантом. Мы переезжали колонной, везли технику, оборудование разведывательное и все такое. Наша машина была третьей по счету в колонне. Везли мы 7-ю ТСУ, знаешь, большая такая, тяжелая. Проезжаем по горному ущелью. Дорога серпантин. Слякоть. И тут я вижу, что водитель впереди идущей машины совершает ошибку, и понимаю, что мой водитель не успеет среагировать, и мы врежемся сейчас им в прицеп, и его машина, и ее прицеп, и наша вслед за ним неизбежно полетят с обрыва вниз, а это метров 15 точно. И в этот момент происходит странная штука, похоже на то, как с тобой, когда этот монстр на твою машину напал, все звуки моментально исчезают, и все начинает двигаться медленно-медленно, и я вижу наперёд, что от удара ещё до того, как мы полетим вниз, наша установка срежет болты, которыми она прикручена к станине, и поедет по полозьям как по рельсам вперёд, и своим нижним ребром срежет и кабину водителя и как раз наши головы. И я понимаю, что единственное место спасения для нас находится между нашими сидениями, ныряю туда сам, замечая в этот момент, что ТСУ медленно начинает движение и срезает болты, хватаю водителя и увлекаю его за собой. И я успеваю только утащить его вниз за миг до того, как установка проходит над нашими головами, срезая верхнюю часть кабины, и улетает в обрыв, а вслед за ней и впереди идущей машиной летим туда и мы, медленно крутясь точно, как в фильмах в замедленной съёмке. Мы бьёмся и переворачиваемся один раз, другой, третий, и я все это время и сам держусь в растопырку, и еще и крепко держу его между сиденьями, чтобы он не рыпался. И перед тем, как мы перевернулись в четвёртый раз, все стало снова ускоряться, и вернулось в прежнюю скорость, и звук тоже вернулся как раз перед последним разом, когда мы окончательно остановились.

И вот здесь я увидел Его, хотя, не знаю, был это Сам Бог или ангел, в общем, не важно. Когда мы остановились, Он вдруг возник перед машиной, улыбнулся мне и так же внезапно исчез. Никогда не забуду этот миг. Этот взгляд ни с чем нельзя сравнить или спутать.

– Как Он выглядел? – спросил Петр, слушавший все это время с огромным интересом.

– Трудно объяснить. Наши понятия как-то недостаточны для описания, – Данилин почесал голову, подбирая слова. – Например, у Него лицо светится как солнце, но при этом все черты лица все равно видно. У Него глаза горят огнём ещё ярче, но при этом видно, что они голубые как самое небо. У него одежда вроде белая, но только такой белизны просто не бывает. В общем, я не знаю, как это описать.

– Ну, ладно, нельзя описать, значит нельзя. А какой третий случай?

– На третий раз я почти что умер.

– Приступ? Клиническая смерть?

– Клиническая смерть была, но не от приступа. Я пошёл с другом на рыбалку. Поднялись на помост, деревянный такой, из больших досок. Высота метров пять. Внизу река, камни из воды торчат, гладкие большие такие валуны. В общем я удочку взял и на край помоста встал, и то ли гвозди там проржавели, то ли пошутил кто так, но доска, на которую я встал, вдруг пошла подо мной вниз, мой приятель даже сообразить ничего не успел. Он говорит, что все очень быстро получилось, я встал на край, хлоп! доска как на качелях вокруг балки повернулась, и я полетел вниз. А у меня все совсем по-другому было. Похоже, как с машинами, я становлюсь на край, и доска медленно начинает двигаться вниз, и я вижу, что она уже оторвалась на противоположном конце, и я уже схватиться ни за что не успеваю и сейчас полечу вниз на валуны, причём головой попаду как раз на центр самого большого. И тоже все звуки исчезли, и я медленно лечу вниз, и в этот миг у меня вся жизнь проходит перед глазами.

Данилин замолчал и неспешно потянул горячий кофе из чашки.

– А дальше что было? – спросил Петр, ощущая какую-то торжественность момента.

– А дальше я упал головой об этот камень и отключился. Хотя, боли я никакой не чувствовал, а просто, как будто кто-то свет погасил, а вместе с ним все мои чувства. Следующее, что я помню, я вдруг оказался в больнице, вот только не помню, как. Будто я откуда-то вылетел, но очень быстро. Смотрю... врачи... и они над кем-то копошатся, а я на это смотрю откуда-то сверху и думаю, – «Интересно, что я здесь делаю, и кто это там такой лежит на больничной койке, над кем они копошатся?»

Потом смотрю, мать честная! Это же я лежу! Слышу, они говорят что-то типа: «Мы его теряем». И начинают суетиться всяко, и тут понимаю, что я умер, лежу там, то есть не я, а моё мертвое тело, а здесь это я живой, но это моя душа, которая вышла из тела. И короче, понимаю, что сейчас что-то будет.

И тут я оттуда вылетел и с огромной скоростью пролетел куда-то непонятно куда, в общем, вверх куда-то, и оказался перед Ним. Как это «оказался», и как это, «перед Ним», все равно не объяснить. Там это все просто и понятно, а здесь – слов не подберёшь.

В общем, как Его описать, я тоже не знаю. Вот несколько более-менее понятных сравнений. Он не человек, то есть, не было такого, что вот я встал, и передо мной человеческий облик. Нет. Он бесконечный, но ты понимаешь, что Он – Личность, и ты это чувствуешь, когда перед Ним стоишь, и Его даже увидеть вот так просто целиком нельзя, но при этом ты понимаешь, что ты перед Ним, и Он тебя знает, и между нами есть что-то такое родственное, как будто мы из одной породы. И что интересно, в тот момент я четко осознавал, что вот Этот, перед Кем я сейчас предстал, и Тот, Который мне явился тогда, перед машиной, это как бы и одно целое, но при этом есть и некое различие, но какое, словами все равно не передать.

Второе, Он невероятно чистый, и такой чистоты нет на земле, и эта чистота тебя как бы просвещает всего, как рентгеном. Иными словами, ты вдруг понимаешь, что тебе ничего не скрыть и не спрятать. Он знает не просто каждый твой шаг, а каждую мысль. И вот в этом чистом свете ты видишь всего себя и все свои земные дела за всю свою жизнь, и понимаешь, что ты никуда не годишься. И третье, ты вдруг понимаешь, что несмотря на все твои ошибки, Он-то к тебе все равно хорошо относится, и даже более того, Он тебя любит больше чем твоя родная мать. И вот здесь наступает казус, потому что ты понимаешь, что твоя жизнь и его чистота просто несовместимы, и даже при всём Его и твоём желании быть вместе, между тобой и Им есть эта непреодолимая стена зла, и ты не можешь вот такой, какой ты есть, быть с Ним, таким чистым и сияющим. И это, пожалуй, самое страшное из того, что я пережил. Потому что ты к Нему хочешь, а не можешь из-за всей этой житейской грязи, которая к тебе прилипла.

Данилин снова остановился и задумался.

Петр чуть подождал, а затем осторожно спросил:

– А чем закончилось-то?

Подполковник глубоко вздохнул:

– Закончилось тем, что Он мне сказал, что моё время ещё не настало, и мне нужно вернуться обратно и подумать над всем, что я увидел, и рассказать об этом другим. Ну, я и вернулся обратно в тело, хотя, если быть точным, то не я вернулся, а меня вернули. Как будто за рученьки подхватили и снова в тело впихнули. Причем очень быстро... Такая вот история, Петр Иванович.

Данилин встал, подошёл к окну, оперся на подоконник и задумчиво уставился куда-то вдалёк, глядя на осенние серые облака.

Глава 4

На следующий день Андрей хотел показать записку Джонни, но того не оказалось на завтраке, и к кому бы он ни обращался, никто так и не рассказал ему, где он был.

Марка, через которого можно было бы передать письмо Лере тоже не оказалось, и поэтому Строгину ничего не оставалось делать, как позавтракать и отправиться на новое место работы.

Это была ещё одна огромная каюта, и её состояние было ещё хуже, чем у предыдущей.

На обеде мулата снова не было, но был Марк, поэтому Андрей подошёл к нему после обеда и попросил передать письмо для Леры, и заодно спросил его про Джонни.

Марк ответил, что Джонни потребовался в другом месте, и поэтому пока что он будет там. Потом он взял письмо и ушёл.

Андрей отправился на место работы, но не успел взять в свои руки металлическую щетку для очистки краски, как в каюту вошли три человека в такой же форме, как и у Джонни, и подойдя к парню, в грубой форме потребовали, чтобы он последовал за ними.

Он пошёл, не понимая, что происходит, и через минуту они вошли в другую каюту, где уже находился Марк, который сидел, сложа руки на груди и обиженно глядя в пол.

Один из трёх сопровождавших его мужчин взял в свои руки письмо, показал его Андрею, чуть ли не ткнув им ему в лицо, и почти криком спросил его на английском:

– Что это ты себе позволяешь, парень? Кому это письмо?

– Моей сестре, – ответил Андрей спокойно. – Она работает на кухне вместе с Долли.

Спрашивающий посмотрел злым взглядом прямо ему в глаза, но видимо не увидел там того, что ожидал, поэтому он несколько сбавил свой напор и уже спокойней спросил:

– Ты что не знаешь, что это запрещено?

Марк видимо решил вступить за парня и сказал:

– Я тебе сказал, Джим. Здесь не о чем беспокоиться.

– Тихо! – крикнул Джим, и глядя на Андрея, приказал: – Отвечай!

Андрей пожал плечами и так же спокойно, ни на секунду не теряя самообладания, сказал, собрав весь свой английский арсенал:

– Она очень маленькая. Я её большой брат. Ей нужны мои письма.

Тогда спрашивающий ткнул пальцем в письмо и сказал:

– Хорошо. Читай вот здесь! Что ты ей написал?

Накануне Андрей уже пробовал переводить это письмо, поэтому сейчас это было довольно просто. Он начал медленно читать:

Моя дорогая маленькая сестра,

Я рад иметь твое письмо.

Это глоток холодной воды в жарком месте.

Хорошо, что ты в порядке...

На последних словах у парня комок встал в горле. Его голос дрогнул, глаза увлажнились, и он поперхнулся. Сдерживая себя изо всех сил, он продолжил читать и с большим трудом осилил ещё одно предложение, в то время как по его щекам побежали две струйки слез.

Видя, что происходит, Джим, который вёл этот допрос, остановил его и сказал:

– Этого достаточно!

Он постоял какое-то время молча, усиленно потирая себе ладонью лоб, а потом повернулся к Марку, и качая письмом у него перед носом, сказал.

– Хорошо... Хотя это запрещено, ...ты ...отнеси ей это письмо. ...И больше никогда не делай этого перед камерами. Понятно?

– Я понял тебя, парень. – Ответил Марк, и встав, взял письмо и вышел.

Джим какое-то время постоял, думая о чем-то, а потом сказал, обращаясь к Андрею:
– Иди работать и будь осторожен с этим, парень. И благодари Бога, что это был я, а не кто-то другой.

* * *

Это было какое-то мрачное утро. Было ощущение, что или из-за туч, или из-за холодного ветра, но день как-то нехотя вступает в свои права, а ночь, напротив, как будто не хочет уходить, и дышит вместе с холодным ветром из-под каждого темного куста и тенистого дерева, огрызаясь на утро и не позволяя ему окончательно воцариться.

Мрачное состояние погоды передавалось на настроение, навевая на него унылость и подавленность.

Проснувшись, Вениамин осторожно вылез из-под одеяла, стараясь не разбудить супругу, и аккуратно выйдя из спальни, закрыл за собой дверь и прошёл на веранду. Он не был человеком настроения и придерживался точки зрения, что настроение потому и называется настроением, что его можно настроить. Если обстоятельства жизни расстраивали его, он настраивал себя опять, так как это нравилось ему, а не так, как диктовали внешние условия, и поэтому он почти всегда пребывал в бодром и приподнятом состоянии духа.

Будучи музыкально одаренным, он в своё время серьезно увлекался игрой на гитаре, поэтому любил повторять:

«Если у тебя хороший инструмент, и ты его бережешь, то он реже расстраивается, и меньше времени требует для настройки. Так и твой характер. Если ты к нему правильно относишься, и хранишь его должным образом, он будет как хороший инструмент, настраиваться в два счета».

Итак, несмотря на мрачное утро, Снегов приступил к настройке своего состояния, добывая бодрого и позитивного взгляда на все.

Он сделал комплексную зарядку, что включало и физические упражнения, и эмоциональный тренинг, и упражнения для глаз, и несколько позитивных провозглашений, и ещё целый набор всего, что он делал почти каждое утро для поддержания как внутренней, так и внешней формы. Было ли это эффективным? Скорее всего, да, так как он выглядел значительно моложе своих лет, был совершенно здоровым, энергичным, всегда веселым и физически крепким. Его зрение было острым, и он не нуждался в очках несмотря на свои семьдесят девять.

Закончив зарядку, Вениамин радостно прошёл на кухню, чтобы заварить себе чай, и в этот момент вспомнил, что ночью ему пришлось звонить Петру.

Прислушавшись к своим чувствам, он подумал, что теперь ему нужно обязательно проведать Людмилу Строгину.

Ощущение, что с ней что-то не так, было четким, а старый охотник привык доверять своей интуиции.

Включив электрический чайник, он быстро накинул куртку и отправился к соседке. В последнее время они с супругой часто бывали в ее доме, поскольку Людмила из-за пропажи детей очень нуждалась в моральной поддержке.

Однако в этот раз Снегов ощущал нечто непохожее на то, что было раньше. Внутри была неясная тревога и какой-то беспорядок, как будто случилось что-то непредвиденное.

Он подошёл к дому и позвонил, надеясь, что Людмила уже встала, поскольку в последнее время из-за постоянной тревоги за детей она мало спала и поднималась чуть свет.

Прошло пару минут, но Строгина так и не вышла. Охотник знал, что звонок у соседки громкий и хорошо слышен во всем доме. Он позвонил ещё раз, а затем, подождав, ещё раз, после чего, не получив ответа, прошёл вдоль ограды к задней части двора где, как он знал, находился замаскированный проем в заборе, через который можно было проникнуть внутрь.

Оказавшись позади дома, он сначала осмотрел все вокруг, стараясь не упустить ни одной детали, и медленно вышел во двор.

Не заметив ничего примечательного, охотник обошёл весь дом, заглянул в каждое окно, и подошёл к входной двери. Здесь на крыльце он обратил внимание на едва заметный отпечаток ноги и склонился над ним, внимательно его рассматривая. След был явно мужского размера и по конфигурации похож на след от туфли. Насколько Вениамин знал, у них в Краевке туфли никто не носил даже на праздники. Петр мог носить туфли, и даже пару раз приезжал домой в костюме и в туфлях, но учитывая, как давно его не было дома, и вспоминая, что, приезжая пару последних раз, он был одет в рубашку, джинсы и кроссовки, охотник подумал, что след, скорее всего, был не его. Можно было, конечно, предположить, что этот отпечаток остался здесь со времени его последнего визита, но насколько Вениамин помнил, тогда стояла жара, не было ни малейшего намёка на дождь, а здесь было видно, что этой подошвой сначала наступили в грязь.

Вениамин аккуратно, стараясь не оставлять своих собственных отпечатков, прошёл по всему двору, внимательно глядя на землю, и нашёл, что искал. Однако не возле калитки, как он подумал вначале, а возле забора на противоположной стороне двора где на дорожку, сделанную из тротуарной плитки, дождем намыло грязь. Сравнив рисунок отпечатка, охотник убедился, что он совпадает, и вздрогнул от предположения, которое у него возникло. Чтобы проверить его, Вениамин окинул взглядом двор и отправился туда, где было самое просторное место. Осмотрев мягкую землю, он снова нашел, что искал; три небольших прямоугольных отпечатка почти в самом центре этого участка двора.

Крякнув от досады, он пошёл к входной двери, просто для того, чтобы убедиться, что Людмилы в доме уже нет.

Как он и думал, дверь была заперта, но он знал где у Строгиных находится тайник, и взяв оттуда ключ, открыл дом и прошёл внутрь.

Остановившись у входа, Вениамин потянул носом воздух и снова почувствовал, что и ожидал, хотя и несколько в неожиданном виде. Присутствие постороннего человека выдавал довольно-таки хорошо различимый запах каких-то дорогих мужских духов.

Охотник осторожно прошёл в спальню, хотя и знал, что дом пуст.

Опять же, он увидел, что и предполагал. Постель Людмилы была лишь наспех накрыта одеялом и фактически не застелена. Зная щепетильность и аккуратность своей соседки, Снегов, глядя на её кровать, лишь убедился в своём предположении; Строгина была похищена.

Он оглядел её комнату и увидел ещё один отпечаток такой же, как и при входе. Но это уже не имело значения, поскольку он и так понимал, что здесь произошло.

Вениамин вышел из дома, закрыл дверь на ключ, положил его обратно в тайник и, пройдя в конец дома, вышел со двора так же, как и вошёл, через тайный проем.

Подойдя снова к калитке, охотник постоял около неё какое-то время, прислушиваясь к своим ощущениям и размышляя, после чего, весело посвистывая, пошёл к себе домой. Зайдя на кухню, он чуть подогрел уже горячий чайник и, как ни в чем не бывало, сел за стол и стал пить свой любимый Строгинский чай с утренним бутербродом, который он заготовил для себя ещё вчера вечером.

Он был уверен, что вскоре ему позвонят, либо Петр, либо Валерий, либо кто-то ещё, и до этого момента ему ничего не нужно делать, и ни о чем не нужно беспокоиться.

Однако, когда он доел свой бутерброд и допил чай, ему захотелось позвонить Валерию самому.

Обдумав свое желание, Снегов взялся за телефон.

* * *

Задание у Канни на этот раз не вызвало никакого интереса. Как оказалось, дело касалось все ещё того самого злополучного старшего брата двух подростков, которых в своё время оборотень почему-то оставил в живых.

Ему нужно было отправиться в маленький городок под названием Мураши, где этот Петр скрывался последнее время, войти в дом, где он был, ощутить его запах, и понять, куда он делся, взять след и пойти по нему, или, если не удастся, сообщить Алексу всю информацию, которую только получится раздобыть.

Оборотень не умел водить машину, и не имел права, но ему это было и не нужно. Будучи волком, он мог очень быстро передвигаться и сам, а если ландшафт местности этого не позволял, на место назначения его доставляли на любом доступном наземном транспорте. Так случилось и на этот раз. Когда он вышел из машины, перед ним был маленький домик, окружённый потертым деревянным частоколом, выкрашенным в зелёный цвет.

Дотронувшись до нужного места на шее, Канни доложил:

– Я на месте.

– Да, я вижу, – отозвался Алекс. – Там где-то должен быть ключ от калитки. Сейчас, я посмотрю. Я это записывал.

Оборотень не стал ждать, когда мастер пороеется в своих записях, а мысленно отдал приказ своей второй внутренней природе:

«Нюх! Волчий нюх!»

Он даже сам не понял, почему он так сделал, и как у него это получилось, но он тут же ощутил, как его обволокло холодком заклęcia, но не полностью, а частично, и особенно в области носа.

Первое, что он почувствовал, было обострение его чутья, которое тут же привычно стало сканировать окружающее пространство. При этом его нос стал влажным, приобрёл форму картошки, и на его верхней части появилась короткая шерсть.

«Надо же! Я даже не знал, что так могу!» – подумал он, и «увидел» носом, что запах человеческих рук и запах металла явно исходит из-под почтового ящика.

– Там должен быть почтовый ящик, – заговорил Алекс. – Под ним снизу есть небольшая ниша. Сверху не видно. Нужно поискать на ощупь. Там лежит ключ от калитки.

«Я уже знаю», – подумал оборотень, и протянув туда руку, достал ключ.

– Взял, – сказал он.

– Это от калитки. Второй внутри, под жестяным подоконником рядом с входной дверью.

«И это я уже знаю, – подумал Канни, успев почуять ключи до того, как ему сообщил об этом хозяин. – Интересно, что я ещё могу?»

– Ты знаешь, что дальше делать, – сказал Алекс, и отключился.

Оборотень вошёл в дом и «осмотрелся». Предполагалось: что внутри он должен обратиться в волка, и только тогда просканировать всё на предмет знакомого запаха Петра и всего, что с ним связано, но неожиданно для себя Канни обнаружил, что может делать это, оставаясь человеком, и лишь частично «включив» природу волка.

«Это как раз то, что демонстрировал главарь, – размышлял он. – Он мог превратить только одну руку в клешню, или сделать так, что из всего драконьего у него были только крылья. Нужно будет поэкспериментировать с этим как-нибудь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.